

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР
КАВКАЗОВЕДЕНИЯ

Д. Ш. Халидов

**Северный Кавказ
в Отечественной войне Абхазии
(1992 – 1993 гг.)**

Сухум – 2014

Д. Ш. ХАЛИДОВ.
Северный Кавказ в Отечественной войне Абхазии (1992 – 1993 гг.): история, современность и проблемы осмысления.
Сухум, 2014 – 84 с.

В работе зам. председателя Парламента Конфедерации Народов Кавказа (1990 – 1998 гг.), ныне советника Главы Республики Дагестан, вице-президента Академии геополитических проблем РФ, члена Президиума Общероссийского общественного движения «Российский конгресс народов Кавказа», кандидата философских наук Денги Шахрудиновича Халидова дается развернутый анализ причины возникновения широкого добровольческого движения среди народов Северного Кавказа в поддержку освободительной войны абхазского народа в 1992 – 1993 гг.; рассматривается роль Конфедерации народов Кавказа в организации добровольческого движения и вклад добровольческих отрядов в Победу абхазского народа в Отечественной войне.

Работа рассчитана на историков, этнологов, политиков, политологов и широкий круг читателей.

Рецензент:
к.и.н., полковник **В. М. Пачулия**

Научный редактор:
д.и.н., профессор АГУ, чл.-кор. АН Абхазии
Т.А. Ачугба

© Д. Ш. Халидов, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение: мифология грузино-абхазской войны и факторы победы	8
1. Методологические «ловушки» и их критический разбор	12
2. Довоенный период в Абхазии и на Кавказе (1989 – лето 1992): геополитические и социо-политические аспекты.....	17
3. Абхазия и Ассамблея (Конфедерация) горских народов Кавказа: национальные движения Северного Кавказа в поисках «формулы» консолидации	29
4. Феномен «кавказскости» и историческая ретроспектива: Кавказская война XIX века, Горская республика и Абхазский Народный Совет (в 1918-1919 годы)	40
5. Начальный период войны в Абхазии: двойственный характер политики ФЦ и республиканских властей на Северном Кавказе. Феномен добровольческого движения	46
6. Август – ноябрь 1992 г в Абхазии и роль Северо-кавказского добровольческого движения	58
Вместо заключения	63

Предисловие

Со времени окончания Отечественной войны Абхазии (далее, войны в Абхазии) прошло 20 лет.¹ За это время война в Абхазии обросла целым рядом мифов. Часть этих мифов объясняется научной несостоятельностью методов анализа, а другая часть – политическими соображениями трансляторов мифов. Автор постарается развеять их и попутно раскрыть некоторые «темные пятна» в истории Отечественной войны Абхазии, связанные с добровольческим движением на Северном Кавказе и Конфедерацией горских народов Кавказа (КГНК).

Меня, автора данного материала, с Абхазией и абхазской интеллигенцией связывает очень многое: деятельность в Ассамблее (Конфедерации) ГНК(1990–1996 годы); единство взглядов на многие проблемы Кавказа и непосредственное участие в содействии разрешению некоторых из них; и наконец, «чисто» человеческие («теплые») отношения друг с другом, которые в трудные моменты истории своих народов были вместе, искали и творили, ошибались и снова искали, думая о нашем общем будущем. В Абхазии приобрел не просто друзей. Это и друзья, и стратегические единомышленники в одном лице, когда друг друга понимают с полуслова.

Меня, представителя аварской делегации (из Дагестана) в КГНК, родная интеллигенция (да и родственники) ча-

¹ Основные положения данной работы были изложены на Международной научной конференции: «Война и мир на Кавказе», посвященной 20-летию Победы абхазского народа в Отечественной войне Абхазии – Сухум, 24 – 25 сентября 2013 г.

сто убеждала «не отвлекаться (на кавказские проблемы), сосредоточиться на «чисто» дагестанских делах». Я их не послушался. Внутренний голос подсказывал мне, что я прав и не могу так, как они советуют. Не жалел, и не жалею, что не послушался. Политическая и «чисто» человеческая интуиция меня не обманула, впрочем, как и многих моих коллег и соратников. Мы были правы в начале 1990-х г., мы оказались правы и «после». Ибо поступали по совести и «голосу» внутренней интуиции. Никаких расчетов на будущее не строили.

Я уверен, если ориентироваться исключительно на мнение обывателей, то свой народ вполне успешно можно завести в тупик. Обыватели никогда не творили историю, а только личности. В трудный момент истории в Абхазии такие личности во главе с В.Ардзинба появились, и они повели свой народ на «безрассудные» (согласно обывательской точке зрения) поступки и победили. Честь им и хвала. Я рад, что могу назвать их своими единомышленниками – друзьями с большой буквы. Они мне помогли советом и добрым участием, а также поддержкой этого маленького проекта. Вряд ли бы я смог довести до конца сей труд, если бы не их живейшее участие и помощь.

Думаю, что исследования по данной теме следует продолжать. Я поднял только те пласты, которые мне знакомы или над которыми я часто думал. Но ведь есть и другие аспекты этой темы, в частности – история (Ассамблеи) Конфедерации ГНК как в контексте участия в делах Абхазии, так и в целом по Кавказу. Я несколькими штрихами постарался показать: насколько глубокие корни у этого явления северо-кавказского «интегризма» (единства), что все это не случайно, и что корни уходят вглубь истории. Очевидно, здесь свое веское слово могла бы сказать новая плеяда молодых ученых и общественных деятелей.

Не менее интересная тема – художественное (и в форме социологических эссе) отражение темы Отечественной войны в Абхазии и участие в ней добровольцев. Труды ученых

читают от силы несколько тысяч человек, а художественно-эссеистское, драматургическое воплощение темы может задеть чувства десятков, а то и сотен тысяч. Насколько это важно для молодых граждан Абхазии и северо-кавказцев, казаков и в целом русских в России вряд ли надо объяснять. В особенности сегодня, когда враги России и Кавказа старательно нагнетают ксенофобские настроения и взаимное отчуждение. Именно Отечественная война в Абхазии представляет нам такую богатую фактуру, опираясь на которую грех не вести воспитательную работу в духе общих ценностей и ответственности за будущее своих народов. И конфессиональный признак здесь не имеет серьезного значения.

И еще один важный момент. Вряд ли бы был возможен феномен добровольческого движение в помощь Абхазии, если бы не *советская система воспитания и социализации*. Именно советская система, при всех её изъянах, зывала к совести и коллективизму, к чувству локтя и взаимопомощи. На Северном Кавказе эти ценности, в случае с Абхазией, получили дополнительный импульс, в силу этнокультурной близости, родства душ и ценностей. Я с трудом могу представить то же самое в нынешней ситуации, когда в обществе бал правят совершенно противоположные ценности и установки. И это очень прискорбно, но «еще не вечер», как говорят в Одессе, и мы поборемся. Бог всегда помогает тому, кто действует согласно совести и не надеется только на чудо.

Введение: мифология грузино-абхазской войны и факторы победы

Перечислю только главные мифы из этого ряда.

- *Первый миф*: Грузия проиграла (войну с Абхазией) России, ибо Россия оказывала всестороннюю помощь Владиславу Ардзинба. Это грузинская точка зрения, подхваченная либеральными масс-медиа в Москве и на Западе¹.

- *Второй миф*: Абхазия выиграла войну с Грузией в силу мощной поддержки казаков Юга России и российских силовиков, которые действовали вопреки воле Кремля и ельцинского руководства. Поэтому участие в параде Победы в Сухуме казачьих формирований оправдано якобы в силу нравственных и военно-политических причин. А это уже точка зрения казачьего движения и, по всей вероятности, руководства Краснодарского края и не только.²

Автор попытается доказать, что вышеприведенные точки зрения именно мифы, имеющие мало общего с реальной ситуацией и не более того.

¹ Их и не стоит обсуждать, ибо в грузинской политической традиции сотворение мифов поставлено на поток.

² Несколько странно видеть на парадах в День Победы и Независимости Абхазии 30 сентября бодро марширующих на центральной площади Сухума казаков из «Черной сотни», которые не имеют к грузино-абхазской войне никакого отношения. Гораздо уместнее было бы видеть на параде в Сухуме группы добровольцев и тех, кто обеспечивал победу из республик Северного Кавказа, ветеранов Конфедерации народов Кавказа, в том числе и казаков.

В общественном мнении же Абхазии и в ряде республик Северного Кавказа циркулируют еще две (альтернативные первым двум) точки зрения. Первая, «чисто» абхазская, сравнительно адекватно отражающая события того времени, но и она не без изъянов. Заключается она в следующем: *война выиграна исключительно (или главным образом) самими абхазцами и в любом случае результат войны в Абхазии был предрешен вне зависимости от роли добровольческого движения на Северном Кавказе или других факторов, хотя такая победа обошлась бы очень дорого для народа Абхазии* (в данном случае имеется в виду то обстоятельство, что воля к независимости и готовность к освободительной борьбе были на таком уровне, что абхазский народ непременно победил бы в схватке с агрессорами из Грузии). Вторая, «чисто» северо-кавказская точка зрения, которая пальму первенства в войне в Абхазии отдает в большей степени добровольцам из Северного Кавказа: якобы «без них и не было бы победы». Правда, сами северо-кавказские добровольцы этого не говорят. Пишут и говорят другие, чаще всего блоггеры и журналисты.

Авторские же рабочие гипотезы сводятся к следующим основным моментам:

- Методологически верный подход заключается в конкретно – историческом подходе и в системной (комплексной) оценке всех факторов, влиявших на ход военных действий. С этих позиций можно выделить два типологически различающихся этапов Отечественной войны («идеальных» типов войны в веберовском смысле этого слова), по роли добровольческого движения Северного Кавказа.
- *Первый этап* – с 14 августа и до 6 октября (освобождения Гагры) – декабря 1992 года. Отсчет *второго этапа* можно вести с периода от декабря 1992 – января 1993 года и до окончательной победы 30 сентября 1993 года.

- С октября по декабрь 1992 года происходила своеобразная переоценка ценностей и подходов к оценке характера и движущих сил Отечественной войны Абхазии в общественном мнении и военно-политической элите России, а также среди этнических меньшинств в Абхазии.
- На первом этапе весомую роль в войне сыграли несколько сотен добровольцев из Чечни и КБР. Именно они обеспечили перелом общественных настроений части общества, а в определенных чиновничьих кругах и паники – в сторону уверенности в окончательной победе. Абхазы в лице добровольцев, увидели не только моральную поддержку со стороны народов Северного Кавказа, но и готовность придти на помощь в трудный для Абхазии час.
- На втором этапе самоотверженная борьба абхазского народа, ведомого его лидером Владиславом Ардзинба, и вставших на его сторону части национальных меньшинств Абхазии (русских, армян и др.), вылилась в конкретные успехи и обрела массовый характер национально-освободительной войны. А также, что немаловажно, смена вех в политике той части российской элиты из силовых и политических кругов, которые ставили на Тбилиси. После блестяще проведенной Гагрской операции, с начала 1993 года они мысленно «закрыли» для себя грузинскую «карту» на данном (тактическом) этапе абхазо-грузинского конфликта, имея при этом в виду стратегический сценарий в геополитических интересах России. Они начали сложную «игру» с абхазской и грузинской элитами: первым обещая помощь и помогая местами, хотя и далеко небескорыстно; а вторым обещая также помощь, но с условием вхождения Грузии в СНГ.

Конечно, по прошествии 20 лет после окончания войны в Абхазии не так легко провести верификацию (или

фальсификацию) мифов и авторских гипотез. Некоторые утверждают, что не стоит затрагивать эту тему: пусть авторы мифов остаются при своих убеждениях. Но не опровергнутый миф и не совсем объективная точка зрения, причем, широко растиражированные, впоследствии приобретают статус неопровержимой истины, чуть ли недоказанного научного факта. В этом то и опасность мифов и позиции тех, кто распространяет эти мифы. Поскольку подлинная наука начинается с измерения и сравнения тех или иных характеристик объекта и предмета исследования, имеет смысл провести процедуру сравнения и своеобразного измерения вклада каждого из исследуемых факторов в победу народа Абхазии в войне 1992–1993 гг. Имеются в виду следующие факторы:

1. Собственно, национально-освободительная война абхазского народа, частично поддержанная на последующих этапах этническими меньшинствами Республики Абхазии (РА).
2. Добровольческое движение среди народов Северного Кавказа, организованное и оформленное Конфедерацией народов Кавказа (КНК), до мая 1993 – Конфедерацией горских народов Кавказа (КГНК).
3. Добровольческое движение среди казачества и русского населения России.
4. Поддержка (явная или скрытая) со стороны российских силовиков саботажем установок либеральной (исполнительной) власти в Кремле и ВС РФ на втором этапе войны.
5. Широкая общественная поддержка и гуманитарная помощь из республик Северного Кавказа и Краснодарского края.

Безусловно, провести такую процедуру (измерения и сравнения) довольно сложно, ибо невозможно применить строго математические (статистические и другие) методы измерения роли вышеперечисленных факторов. Но мы по-

пытаемся это сделать, на основе объективной реконструкции политической и социально-психологической ситуации, фактов и социальной статистики в предвоенный и военный период. С точки зрения исследовательских задач важно также оставаться на «почве» беспристрастных оценок и строго научной методологии, предполагающей опору на системный анализ и конкретно-исторический подход в исследовании, на историческую и понимающую социологию Вебера. Без этого нам невозможно объяснить мотивы и ценности как освободительного движения абхазского народа, так и добровольческого движения на Северном Кавказе.

1. Методологические «ловушки» и их критический разбор

При освещении вопросов войны абхазского народа (в 1992 – 1993 гг.) основные методологические подходы и/или «ловушки» можно описать в следующих терминах.

1.1. Абхазы в грузинской историографии или как фальсификация связана с псевдонаукой

Грузинская историография выработала собственную мифологию, опирающуюся на псевдонаучную реконструкцию истории Абхазии. Согласно ей – абхазы традиционно входили в состав грузинского государства, а в этнокультурном плане – это не более чем *этнографическая группа* грузинского народа.

При этом игнорировались очевидные научные факты как по истории Абхазской государственности, насчитывающей по одним данным около 14–15 веков, а по другим – почти 2 тысячелетия, так и по этнокультурной и языковой близости абхазов с адыгами (черкесами), вайнахскими (чеченцами, ингушами) и дагестанскими народами.

Кроме того, имела место и фальсификация новейшей истории Абхазии, когда в грузинское общественное мнени-

е активно внедрялся миф о якобы недавнем переселении абхазов с Кавказских гор на берег Черного моря (?!). Да, действительно дело обстояло именно так, но авторы мифа, как правило, забывали упомянуть следующие факты из истории. Во-первых, то, что в Османскую империю были по сути депортированы около 75-80 % абхазского населения. Во вторых, то, что оставшиеся 20%-25% (около 60 тыс.) абхазов попали в разряд «*виновного населения*»¹. К ней царская администрация относилась с подозрением и притесняла, не разрешая категорически селиться в прибрежье и ближе чем на 30 верст от Сухума, но одновременно поощряла переселение новых колонистов, включая и грузин². Именно тогда впервые среди грузинских общественных деятелей широкое хождение получила регионально-имперская, по сути, идея о том, что «*весь Кавказ – родина грузин*»³. Это как раз наглядный пример игнорирования правил системного (комплексного) анализа всей совокупности факто, при исследовании какого либо исторического явления или процесса.

Более серьезный методологический «грех» грузинской историографии связан с фальсификацией древней и средневековой истории Абхазии. С этим «грехом» непосредственно связан и вышеуказанный миф об «этнографической природе абхазов, как части грузинской нации». В своем исследовании «О титулатуре абхазских царей» **Ермолай Аджинджал** показывает, что в византийских, арабских и иранских документах VIII- XIII веков то, что известно как Грузинское царство именовалось Абазгией, Абазой (собственно, Абхазией).

«*В арабских и персидских источниках домонгольского периода* – писал известный востоковед **Василий Бар-**

¹ См. **Ачугба Т. А.** Этническая история абхазов XIX- XX в.в.: этнополитические и миграционные аспекты. – Сухум, 2010, с. 118.

² См. **Ачугба Т. А.** Указ. соч. с.113-127

³ Там же, с. 126.

тольд – *Багратиды* (имеются в виду *Давид Строитель, Царица Тамара* и др.) упоминаются только как «*Цари абхазов*». Такое же значение имеет термин «*Архонт Абазгии*» у византийского автора *Кедрина*¹. Об этом же писал и грузинский исследователь акад. **И. А. Джавахашвили** в 80-е годы прошлого века².

Но в XVIII веке первоисточники, хранившиеся в Тбилиси, были заново переписаны: вместо термина «*Абхазия*» (Абаза, Абазги) ввели термин «*Грузия*»; в общем, историю «подправили» в угоду политическим устремлением картло-кахетинских царей. В упомянутом труде Е. Аджинджала приводятся имена грузинских и других исследователей, которые пишут об этом откровенно (**К. Григолия**, «Новая летопись Грузии» – Тбилиси, 1954 г.; **царевич Теймураз**; европейские ученые – **Клапрот, Сен Мартен** и др.).

В нашу задачу не входит подробное опровержение подобной фальсификации. Очевидно, что царство получает то или иное название исходя из доминирующей роли военно-политической элиты того или иного народа. И в данном случае мы вправе говорить о первенствующей роли абхазской военно-политической элиты из высших сословий в обширном царстве Абхазия (впоследствии названной Грузией) вплоть до нашествия монгольских орд. И все, что мы наблюдаем в XIX-XX веках в грузинской историографии и политике можно рассматривать как своеобразный реванш за прошлое.

1.2. Неолиберальная концепция личности и роль добровольцев в войне в Абхазии

При оценке роли Конфедерации горских народов Кавказа (КГНК) и добровольческого движения Северного Кавказа в освободительной борьбе абхазского народа в

¹ См. Аджинджал Е.А. О титулатуре абхазских царей, Сухум, 2014, с. 5.

² Джавахашвили И.А. История грузинского народа. Тбилиси, 1983. Т. 2, с. 50.

Москве и Грузии господствовал неолиберальный (экономикоцентричный) подход, была выработана и соответствующая мифология. Согласно этой мифологии добровольцы-комбатанты – суть *наемники и авантюристы, движимые мотивами или выгоды, или новых острых ощущений*. В лучшем случае – это жертвы абхазской пропаганды, или тщеславные борцы за ложно понимаемую справедливость.

Здесь очевидны опора на одномерную модель человека, движимого исключительно экономическими (якобы «рациональными») мотивами и отказ от учета социо-культурного, духовного и историко-культурного контекста. Человек в рамках такой концепции, живет «тут и сейчас» вне исторической и культурно-генетической преемственности, лишенный исторической памяти. Иррациональные, на взгляд либералов, мотивы и ценности – жертвенность и чувство справедливости, готовность к Поступку (именно с большой буквы) и поступкам ради помощи братьям по крови и культуре – не могут иметь сколь либо серьезного значения, ибо слишком велик риск потерять жизнь на войне, которая не сулит никаких очевидных выгод. Здесь очевидна ограниченность не только неолиберального, но и марксистского подхода, в рамках которых человек не более чем социальное (говорящее) «животное», лишенное духовности и высших устремлений. С подобным методологическим «грехом» непосредственно связан и другой методологический изъян (см.п.1.3.).

1.3. Забвение законов исторической и понимающей социологии, а также логики культурно-генетической памяти

Память народа, его культурно-генетический «код» – это весьма консервативный элемент социальной и духовной культуры. Чтобы понять мотивы и ценности участников учаемого процесса необходимо внимательно взглянуть на историю народа и близкородственных ему народов.

В социальной и политической культуре и истории народов Северного Кавказа большую роль играют мотивы исторической памяти и консервативные (социо-культурные) элементы, позволявшие им сохранить себя как целостности на протяжении тысячелетий. Феномен северо-кавказской (собственно, «исконнокавказской» по терминологии известного ученого – этнолога **Сергея Арутюнова**) культуры в этом плане слабо изучен. Современные исследователи же, опирающиеся на не совсем адекватную методологию, не способны понять природу того или иного социально-политического процесса (в Абхазии, в республиках Северного Кавказа), ибо для них этот феномен остается *«terra incognita»*. В рамках системы понятий, коими они оперируют, невозможно понять этот феномен и, соответственно, добровольческое движение на Северном Кавказе.

1.4. Конкретно-исторический подход и роль добровольческого движения в Абхазии

При оценке роли чеченских добровольцев и их самых ярких лидеров в лице **Шамиля Басаева, Хамзата Ханкарова, Руслана Гелаева, Умолта Дашукаева** и др., или президента Конфедерации ГНК (а впоследствии Конфедерации народов Кавказа – КНК) профессора **Мусы Шанибова**, как правило, имеет место антинаучный подход, когда игнорируется **конкретно-исторический подход** в анализе. Дело в том, что мотивы и ценности, коими руководствовались тогда (в 1992 г.) лидеры чеченских добровольцев, рассматриваются сквозь призму последующей их роли в двух чеченских кампаниях; а роль М. Шанибова – с позиций и ценностей его коллег по научно-педагогическому «цеху» (в КБГУ г. Нальчик), которые оказались не способны оценить по достоинству его мотивы и ценности, привычно сведя дело к «тщеславию, авантюризму и поиску славы». Люди с «низким полетом мысли» не способны оценить не-

ведомое им «высокое», они всегда пытаются опустить высокое до собственного уровня.

Ученый всегда должен искать истину и анализировать факты во всем их многообразии. В данном случае и личность, сыгравшая важную роль в истории заслуживает внимательного изучения. Ибо в «точках бифуркации» (разлома и распада общественной системы) малая величина (личность или группа) может сыграть выдающуюся роль, задав новую траекторию истории. Именно потому роль чеченского добровольческого движения и его лидеров в войне в Абхазии никак не может быть оценена сквозь призму двух чеченских военных кампаний 1994–1996 годов и 1999–2001 годов. Именно потому роль адыгейских и кабардинских добровольцев, М. Шанибова не может быть оценена с позиций и ценностей обывателей. Эта роль также не может быть «размазана» по принципу *«всем сестрам, по серьге»*. Забегая несколько вперед, скажу, что эта роль была весьма высокой

2. Довоенный период в Абхазии и на Кавказе (1989 – лето 1992): геополитические и социо-политические аспекты

Чтобы дать правильную оценку северо-кавказскому фактору в Отечественно войне в Абхазии мы должны адекватно реконструировать картину собственно политической жизни и геополитической ситуации в регионе. Надо вспомнить ключевые факты в период с 1989 по август 1992 года, сыгравшие значимую роль в переформатировании политической «конструкции» в регионе Большого Кавказа. Достаточно подробно эта тема в интересующем нас ракурсе освещена в целом ряде исследований **А. Авидзба, М. А. Волхонского, В. А. Захарова, Н. Ю. Силаева, С. Жидкова, К. Н. Думаа, Г.П.Лежава** и др. авторов¹. Поэтому нет смыс-

¹ См. **Авидзба А.** Абхазия и Грузия: завтра была война (о абхазо-грузинских отношениях в 1988-1992 гг.) – Сухум, 2012; **Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989-2006 гг.** (сост. М. А..

ла повторяться. Автор затронет здесь лишь те моменты, которые не могли получить широкого освещения; то, что известно из личных архивов и наблюдений, из рассказов участников событий в лице актива и лидеров Конфедерации (до 1 ноября 1991, Ассамблеи) горских народов Кавказа (ГНК), а с мая 1992 года, когда было заключено Соглашение с казачьими организациями Юга РФ – Конфедерации народов Кавказа (КНК).

2.1. Грузия между демократией и региональным шовинизмом.

В Грузии в результате переворота (в начале января 1992) был смещен законно избранный президент **Звиад Гамсахурдия**. «Дрожжами» переворота выступил командир Национальной гвардии Грузии **Тенгиз Китовани**, впоследствии поддержанный Кремлем и Закавказским военным округом (ЗКВО). Поводом для бунта послужил указ Гамсахурдия о роспуске формирований Национальной гвардии, который он принял под давлением ГКЧП 19.08.1991.

Реальная же причина кроилась в авторитарных методах управления первого президента Грузии, в политических арестах, которые он практиковал и в росте недовольства новой властью, в особенности в Тбилиси. После бегства Гамсахурдия был создан Временный Военный Совет (ВВС), который никто не спешил признавать за легитимное и законное правительство Грузии. Нужен был политический «тяжеловес», хорошо известный на Западе в лице **Эдуарда Шеварднадзе**. Поэтому ВВС, состоявший из «вора в законе» и мецената в сфере искусств – **Джабы**

Волхонский, В. А., Захаров, Н. Ю. Силаев)- М., 2008 г.; Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1996; К. Н. Думаа, Грузино-абхазская война: мифы и реалии. Сухум, 2002; Лежава Г.П. Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос (1987 - начало 1992 гг.) Москва, 1988 г.

Иоселиани (кстати, весьма талантливой и своеобразной личности), бывшего уголовника и «крутого парня» **Тенгиза Китовани** и ученого, премьера-министра **Тенгиз Сигуа**, обратился к Эдуарду Амбросиевичу. Вернувшись на родину Шеварднадзе возглавил вновь созданный т. н. Госсовет Грузии и придал определенный политический «лосок» этому сомнительному институту.

Надо заметить, что либерально-прозападные СМИ в Москве и на Западе особо не жаловали Гамсахурдия. Дело, скорее всего, заключалось не в его националистическом курсе и региональном шовинизме, а в антизападничестве и антилиберализме, в котором были очевидны элементы политического романтизма. З. Гамсахурдия хорошо разбирался в природе российских демократов и геополитических видах Запада на Кавказе и в России¹. Именно потому, надо полагать, он поддержал гэкэчепистов, хотя и числился в первых рядах русофобов. Региональный шовинизм Гамсахурдия и К* проявлялся не только в отношении Южной Осетии и Абхазии, но и малочисленной аварской (дагестанской) общины в Кварельском районе, которая никак не могла представлять вызова для Тбилиси.

Вообще, региональный шовинизм и сознание собственной исключительности было характерно для большинства элиты и немалой части грузинского народа. Автор в этом мог убеждаться неоднократно, будучи в Грузии (в Тбилиси, Кварельском районе) еще в 1990 году, встречаясь с лидерами Общества им. И.Чавчавадзе, с звиадистами и т.пр. Вся разница между грузинскими «хорошими» и «плохими» националистами заключалась в методах выдворения из «благословенной» страны всех негрузин, якобы,

¹ Из личных архивов **Д.Ш. Халидова** и воспоминаний мусульманского деятеля Дагестана и активного члена КНК **М-Расула Мугумаева**, которые не раз встречались с З.Гамсахурдия в гор. Грозном в период его изгнания из Грузии.

«захвативших их земли». Первые «научно» обосновывали то, что практиковали вторые открыто¹. Это было своеобразное помутнение разума нации, которое очень остро переживали лучшие представители грузинского народа в лице известного философа **Мамардашвили** и др.². Впрочем, в тот период времени, любой политик в Грузии был обречен на политическую смерть, если он просто смел заикнуться о праве абхазов на восстановление своей государственности, не говоря уже о праве южных осетин на самоопределение³.

3. Гамсахурдия также поддерживал идею *Кавказского дома*, с которой выступил **Джохар Дудаев**. В данной идее были очевидны элементы авантюризма, политического романтизма. Основная часть чеченской политической элиты мыслила в категориях общекавказской геополити-

¹ Автор был немало удивлен следующим фактом во время поездки делегации аварского национального движения в Грузию для встреч с Звиадом Гамсахурдия и Обществом им. И. Чавчавадзе в августе 1990 г. С нами в Тбилиси и Кварельском районе постоянно находилась милейшая женщина из Общества им. И. Чавчавадзе. Но к своему удивлению оказалось, что она автор диссертации по этнографии, в которой обосновывалась идея ПЕРЕСЕЛЕНИЯ «общины» кварельских аварцев (до 3,5 – 4 тыс. чел.) на историческую родину. И это несмотря на то, что «община» там живет уже более полтора века. На мой вопрос «Как же так получается и чем вы отличаетесь от звиадистов?!», она и её соратники из Общества не нашли что ответить.

² См. **Халидов Д.Ш.**, серия статей «*Абхазская трагедия и Кавказ в большой политике*»// газета «Дагестанская правда» в 4-х номерах, февраль 1993 года.

³ В разговорах с автором экс-президент Грузии **З. Гамсахурдия** (в период его пребывания в Грозном в 1992- 93 годы) отрицал крайности национализма и давал понять, что его методы освободительной борьбы с Москвой и коммунистической номенклатурой были призваны сплотить всех грузин, а абхазские и юго-осетинские лидеры якобы были всего лишь «инструментами» Москвы.

ки, и, в этом смысле, преодолела привычный для местных элит провинциализм. А сами общекавказские установки подпитывались начавшимся процессом развала СССР.

Но, в конечном итоге, идея Общекавказского дома не нашла и не могла найти поддержку, ни в закавказских странах, ни тем более на Северном Кавказе. Известно также, что З. Гамсахурдия, под давлением целого ряда факторов (воля абхазского освободительного движения, продемонстрированная ею в 1989-1991 годы, четко выраженная поддержка со стороны чеченцев и адыгов их справедливого дела) согласился на абхазское большинство в парламенте и правительстве Абхазии, несмотря на то, что они составляли меньшинство в республике (всего 18-20% населения). До этого, начиная с 1989 года, именно грузинские националисты, ведомые движением «*Круглый стол – Свободная Грузия*» (лидеры – **З. Гамсахурдия** и **Т. Костава**) намеревались задушить в зародыше абхазское освободительное движение и спровоцировали массовые столкновения в Абхазии.

В мае 1992 года Грузия, согласно Ташкентским договоренностям, получила большое количество военной техники из арсенала бывшего Союза. Наряду с последствиями тайного сговора **Дагомыских договоренностей** (от 24 июня 1992) все это сыграло большую роль в развязывании войны грузинским Госсоветом в августе 1992 года.

2.2. Абхазия перед историческим выбором

Весь период с 1989 по июль 1992 года в Абхазии прошли под знаком все усиливающегося национально-освободительного движения. Партийные и социальные различия отступали на задний план на фоне главного вызова, которую представляла собой политика Тбилиси.

Нет смысла перечислять все перипетии этой борьбы. Отметим только её главные вехи и аспекты. Значительная часть абхазского общества не сразу пришла к идее неза-

висимой государственности. Даже Общенациональное движение «Народный Форум Абхазии» (НФА) «Аидгылара» (лидеры **Роман Чанба, Алексей Гогуа, Сергей Шамба, Зураб Ачба, Геннадий Аламия** и др.) все еще лелеяли идею «союзного статуса для Абхазии в составе обновленного Союза»; а некоторые недвусмысленно ставили перед собой задачу присоединения к России. Государственная независимость пугала, ибо предполагала ответственность и большой риск. Впрочем, также как и лидеры Народного форума Абхазии мыслили и другие лидеры национальных движений на Северном Кавказе (за исключением чеченского национального движения) ссылаясь на статус союзных республик Киргизии, Туркмении и пр. республик бывшего Союза¹.

Четкой постановкой стратегической цели отличалась Демократическая партия Абхазии (лидеры **Гурам Гумба, Даур Зантария**, известный поэт и писатель, рано ушедший из жизни), которая однозначно сформулировала цель: *государственная независимость для Абхазии*. Часть абхазской интеллигенции поддержала именно такую постановку главной проблемы для Абхазии. И надо заметить, что В. Ардзинба не только поддержал эту плеяду абхазской интеллигенции, но и помог мудрым советом: не конфликтовать с НФА, а взаимно дополнять друг друга. Идя параллельным курсом оба движения охватывали все слои абхазского общества, включая и наиболее активную часть негрузинских этнических меньшинств: армянской, греческой

¹ К примеру, союзный статус Казахстан и Киргизия получили лишь в 1936 году. До этого они были в составе РСФСР в качестве автономных областей. Дагестан же, к примеру, конституировался как республика с почти союзным статусом и в документах вплоть до 1932 года значилась как Дагестанская советская социалистическая республика (ДССР), подобно Абхазской ССР (из личного архива Анатолия Коркмасова – внука **Джелал-ад-Дина Коркмасова**, председателя Совнаркома ДССР в 1921-1931 годы.)

и русскоязычной (это яркий пример системного, в научном плане интуитивно-правильного подхода к проблеме).

Еще в августе 1989 года, после ряда открытых конфликтов с националистически настроенными грузинами в лице звиадистов и пр. в Абхазии серьезно стал вопрос о потенциальных союзниках.

Так стоял вопрос и в 1918–1919 годах, когда Абхазский Народный Совет (АНС) вынужден был защищаться от агрессии меньшевистской Грузии. Тогда АНС однозначно и без колебаний выбрал курс на Союз объединенных горцев Кавказа - Горскую (Северо-Кавказская) республику 1918-1919 гг.¹. Но тогда сама Горская республика была не в силах отстаивать свою независимость и тем более помочь АНС, что и привело к успеху операции по оккупации Абхазии. Силы были слишком не равны. Теперь же вновь встал этот вопрос, и надо отдать должное абхазским лидерам: они его решили в стратегическом плане правильно.

2.3. Феномен Владислава Ардзинба или о роли личности в истории

Владислав Ардзинба, будучи историком (доктором наук) и политиком новой «волны», после избрания председателем Верховного Совета Абхазии целиком окупился в водоворот политической борьбы. В истории каждого народа бывают моменты, когда узкое (но очень активное) меньшинство может сыграть выдающуюся роль. Эти моменты в науке синергетики и системологии получили название «*точка бифуркации*», когда история может пойти по нескольким «траекториям», для каждой из которых существует своя вероятность. Ардзинба сделал все «как надо», чтобы вероятность успеха освободительной борьбы намного перевесила вероятности других исторических

¹ См. Сборник документов «Союз объединенных горцев Кавказа и Горская (Северо-Кавказская) Республика (период 1917- 1921 годов- Махачкала, 1984 г.

«траекторий»: утраты суверенитета в составе грузинской государственности; утраты суверенитета в составе российской государственности; неопределенного статуса или несостоявшегося государства. Ардзинба оказался в нужный момент в нужном месте и с нужными знаниями и **ВОЛЕЙ К ПОБЕДЕ**.

Когда Ардзинба пришел к власти, ничего еще не было ясно. Но для него – патриота и ученого, достойного «мужа» абхазского народа – было ясно одно: стратегическая цель – **НЕЗАВИСИМОСТЬ** и национальное возрождение; все должно быть подчинено этой цели. Но на этом пути было множество подводных рифов: неуверенность и колебания в аппарате власти и среди интеллигенции, сомнения в гуще народа: «*Придут или не придут на помощь с Северного Кавказа? Как защищаться, если нападут, нас же очень мало, почти в 50 раз, да еще и без оружия*» и т.д. и т.п. Все это надо было преодолеть, через все это пройти. Ардзинба и его сторонники прошли через все это достойно.

Нет смысла перечислять, сколько испытаний выпало на долю абхазской власти и абхазского национального движения в период с 1990 по 1992 годы¹. Отметим только некоторые важные вехи и обстоятельства.

Во-первых, после государственного переворота, с начала января 1992 года в Грузии наступили качественно иные времена. Власть в Грузии потеряла свою легитимность и законность. В самом грузинском обществе и в среде ее элиты были очевидны признаки жесткого конфликта: звиадисты – против госсоветовцев во главе с Э. Шеварднадзе. Первые не имели никакой поддержки *извне*, за исключением поддержки со стороны Д. Дудаева; госсоветовцы же пользовались поддержкой Кремля и западных лидеров. В Грузии только- только начался про-

¹ См. **Авидзба А.** Абхазия и Грузия: завтра была война (о абхазо-грузинских отношениях в 1988-1992 гг.) – Сухум, 2012.

цесс реформатирования госструктур, а сама страна находилась в состоянии экономической разрухи; свирепствовал криминал, прикрываемый громким названием «Госсовет». Мало у кого вызывал симпатии этот симбиоз политического «тяжеловеса» (в лице Шеварднадзе), получившего прозвище «Белый лис», с «крестными отцами» грузинского криминала.

Во-вторых, на этом, весьма для него благоприятном фоне, В. Ардзинбе хватило мудрости «не пережать» и не броситься в авантюру, дабы не навлечь на себя гнев «мировой общественности» и не дать повода для Тбилиси. Но с другой стороны, мудрый и решительный политик не имеет права упускать свой шанс. «*Вчера было рано, завтра будет поздно*» – примерно так следует рассуждать в такие исторические моменты и решиться на судьбоносный шаг. Именно таким финальным шагом следует расценить волевое решение Верховного Совета Абхазии (23-е июля 1992), когда была восстановлена Конституция от 1925 года и была утверждена новая символика Абхазии – герб и флаг. Но до этого были и другие шаги, приведшие к бойкоту грузинскими депутатами работы Верховного совета Абхазии (с мая 1992).

Возможно, любой другой лидер нации дрогнул бы и стал бы искать компромиссы. Обычно так и бывает с такими политиками, для которых принцип «*движение все, а конечная цель ничто*» призван укреплять их персональную власть, «*лишь бы не было войны*» (вполне понятный мотив, который потом озвучивали немалое число абхазов, после агрессии грузинского Госсовета). Но Ардзинба был не из тех.

Возможно, в таких решениях Ардзинба свою роль сыграл и выдающийся сын черкесского (адыгского) народа **Юрий Калмыков**, который тогда возглавлял **Международную черкесскую ассоциацию**. Как? – советом, участием в «мозговом штурме» и готовностью поддержать в

трудный момент. Известно, что в июле 1992-го Ю. Калмыков был в Абхазии. До этого он также неоднократно встречался с абхазскими лидерами. Сразу после исторических решений от 23 июля 1992 года, Ардзинба совершил визит в Турцию и встречался там с обширной абхазо-адыгской диаспорой. И это решение также надо признать своевременным, которое впоследствии обеспечило мощную «волну» поддержки зарубежной диаспоры.

В третьих, В. Ардзинба, после всех этих судьбоносных решений, сделал миролюбивый жест и предложил Тбилиси заключить федеративный (межгосударственный) договор. После всего, что произошло, Тбилиси очевидно воспринял это как политическую пощечину. Проект договора был подготовлен д.ю.н., профессором и известным общественным деятелем **Тарасом Шамба**. Данный проект предполагалось рассмотреть на сессии Верховного совета Абхазии **14 августа 1992 года**. Именно в этот день и вторглись в республику вооруженные формирования грузинского Госсвета. Но абхазы оказались застигнуты врасплох, потому, что они не ожидали такого коварства от своего соседа и не были готовы во всеоружии к этой агрессии.

2.4. Независимая Чечня-Ичкерия и феномен Джохара Дудаева

Теперь, по прошествии многих лет, чеченскому освободительному движению отказывают в определенной легитимности. Феномен же Дудаева интерпретируют исключительно в терминах *«тщеславный и меркантильный властолюбец»* и *«страшный русофоб»*, или *«агент влияния антиельцинистов среди федеральных силовиков»*, забывая при этом, что он достойно служил великой державе в звании армейского генерал-майора (командир дивизии тяжелых бомбардировщиков, начальник Тартусского военного гарнизона). Ни одно из этих определений

не соответствует истине¹. Д. Дудаев отражал значимый социальный срез и политическое стремление чеченского народа. Институционально он был оформлен в виде **Объединенного конгресса чеченского народа (ОКЧН)**, лидером которого выбрали именно Джохара Дудаева, а его заместителями – **Юсуфа Сосламбекова и Зелимхана Яндарбиева**, также яркие личности харизматичного типа, увлеченные идеей независимости Чечни и Северного Кавказа в целом.

Но феномен чеченского национального движения состоит в том, что и, так называемая, чеченская «партократия» во главе с **Доку Завгаевым** была ориентирована на суверенитет республики. Известно, что именно ЧИР одной из первых в РФ (бывшем РСФСР) приняла Декларацию о государственном суверенитете.

Кстати, Д. Завгаев предпринимал и такие неординарные (для партокарата) шаги, которые свидетельствовали о его общекавказских геополитических установках. Именно благодаря руководству ЧИР еще в советский период, в момент, когда у границ Абхазии скопились агрессивные настроенные звиадисты (в 1990), в сухумском аэропорту сел самолет Ту-134 из Грозного с большой делегацией во главе с вице-премьером Бугаевым. Разумеется, свою роль здесь сыграл руководитель республики Д. Завгаев. В делегации были старейшины, духовные лидеры и общественные деятели, в частности, Л. Саликов. Там же в аэропорту они исполнили свой традиционный танец «зикр» (поминание Всевышнего), оказав тем самым неизгладимое впечатление на грузин из числа аэропортовских служащих; затем сработала народная «почта», заставившая призадуматься многих грузинских националистов в Абхазии. Далее деле-

¹ Автор статьи неоднократно встречался с Дж.Дудаевым лично и в составе делегаций КГНК (КНК) в 1990-1994 гг.; изнутри наблюдал за развитием событий в Чечне, следил за прессой и часто вел дискуссии с местными экспертами и политиками.

гация встретила с В.Ардзинба, а затем самолет со всей чеченской делегацией направился в Тбилиси. Там на переговорах с Гамсахурдиа чеченцы дали ему понять, что если грузины нападут на абхазов, они будут иметь дело с чеченцами. Это было по настоящему отрезвляющее предупреждение. Но до этого, еще в начале 1990 года, в Грозном произошло знаменательное событие: состоялись дни культуры абхазского народа, был осуществлен своеобразный обряд БРАТАНИЯ с жертвоприношениями.

2.5. Россия-Грузия и судьба Южной Осетии: тайное и явное в Дагомысских соглашениях

К июню 1992 г. Южная Осетия по сути была в блокаде и в состоянии войны с Грузией. Неоднократные обращения к Ельцину руководства Северной Осетии возымели свое действие и 24 июня 1992 года в Дагомысе состоялись российско-грузинские переговоры с участием представительной осетинской делегации. Там, на берегу Черного моря **Ельцин и Шеварднадзе** заключили соглашение о создании миротворческих сил в Южной Осетии и замораживании конфликта. Кроме того, впоследствии стало ясно, что были и другие негласные договоренности за спиной Абхазии и за счет Абхазии. Согласно этому соглашению: а) *Грузия соглашалась вступить в СНГ, но взамен Россия должна была закрыть глаза на вторжение грузинских вооруженных сил в Абхазию;* б) *Грузия получала от Закавказского военного округа большое количество военной техники.*

Кстати, именно в конце мая 1992 г. Конфедерация ГНК провела совместное заседание своего парламента и президентского совета в Цхинвале, а затем и митинг солидарности с народом Южной Осетией. Это было своеобразным отрезвляющим дополнительным «сигналом» для Тбилиси, поддержанным (явно и тайно) руководствами двух осетинских республик. Хотя грузинский Госсовет и обратил внимание на эту демонстрацию силы и солидарности северо-

кавказцев, впоследствии стало известно, что Шеварднадзе не был склонен принимать всерьез Конфедерацию ГНК, называя её «бумажным тигром».

3. Абхазия и Ассамблея (Конфедерация) горских народов Кавказа: национальные движения Северного Кавказа в поисках «формулы» консолидации

3.1. Создание Ассамблеи ГНК и Абхазия

В период 1991–1992 годов о себе громко заявила Конфедерация ГНК, вобравшая в себя носителей общекавказских (северо-кавказских) политических ценностей и установок. Но сначала была Ассамблея ГНК, созданная еще в 1989 году в Абхазии на базе национально-демократических организаций Абхазии, Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии.

Предыстория возникновения Ассамблеи ГНК такова. С началом перестройки, с 1988 г. впервые и довольно громко о себе заявили грузинские национальные движения во главе с З. Гамсахурдиа и другими лидерами. Абхазам, а впоследствии и южным осетинам не раз приходилось защищать свои интересы в конфликтах с грузинскими шовинистами.

Так обстояло дело и в 1918-1919 годы. Теперь же, через 70 лет история повторилась. Вновь взоры абхазов устремились на Северный Кавказ. Согласие в этом вопросе было всеобщим, и демократы и лидеры Абхазского форума, и власть республики здесь были единомышленны. *«Там, на Северном Кавказе - наши братья по крови и истории, языку и культуре; там мы находим понимание и поддержку, и именно там можно черпать силы для государственного самоутверждения»*- примерно так рассуждали лидеры абхазского национального движения и были во многом правы.

В конце 80 – начале 90-х годов прошлого века никто не ставил вопрос о религиозно-конфессиональной идентичности абхазов, а если бы этот вопрос кто-либо тогда поднял, его бы немедленно осадили. Абхазская национальная

идентичность была важнее и значимее на порядок, чем его конфессиональная принадлежность. Такая постановка проблемы объединила абхазских демократов и здоровых националистов, партократов и чиновников, весь абхазский народ.

Именно тогда созрела идея **Ассамблеи горских народов Кавказа (АГНК)**, у истоков которой стояли такие выдающиеся абхазские деятели, как поэт и журналист **Геннадий Аламия**, историки **Гурам Гумба**, **Сергей Шамба**, **Станислав Лакоба**, партийный лидер-патриот **Константин Озган**, философ **Олег Дамения** и др. (их было много, всех не перечислишь). За этой плеядой новых и «старых» лидеров незримо стоял **Владислав Ардзинба**. Они сделали многое для налаживания связей с национально-демократическими движениями и правительственными структурами северо-кавказских республик. Абхазские общественные лидеры прекрасно понимали, что только солидарность народов Северного Кавказа с Абхазией может остановить региональных шовинистов.

И в этом плане самой эффективной политикой оказалась абсолютно аполитичная стратегия в виде многочисленных фестивалей абхазской культуры, встреч писателей и поэтов в республиках Северного Кавказа, выездных концертов и спортивных состязаний. Как признавался сам автор идеи Г. Аламия, *«мы не дошли до Дагестана, но в других республиках везде успели побывать и везде имели шумный успех»*. Аналогичные фестивали кабардинцев, чеченцев проходили и в Абхазии. На таких мероприятиях актуализировалась тема родства (духовно-нравственного, этно и историко-культурного) народов региона.

3.2. Ассамблея ГНК и встречное движение из Чечни и КБР

Абхазские лидеры вряд ли бы добились тех выдающихся успехов, если бы на Северном Кавказе не было

встречного движения, прежде всего – в Чечне и Кабарде; а затем, но в меньшей степени – и в других республиках региона. Здесь стоит перечислить тех, кто стоял у истоков Ассамблеи (Конфедерации) ГНК.

Из *Чечни* – это, прежде всего, зам. Председателя Объединенного конгресса чеченского народа (ОКЧН), зам. Председателя Парламента Чеченской Республики **Юсуп Сосламбеков**; лидер Вайнахской демократической партии, вице-президент Чеченской Республики **Зелимхан Яндарбиев**, один из лидеров ОКЧН, к.ф.м.н., депутат Парламента Чеченской Республики **Иса Арсамиков**, молодежный лидер Конфедерации Народов Кавказа, один из лидеров ОКЧН, герой Абхазии **Хамзат Ханкаров**, редактор газеты КНК «Кавказ» – **Муса Темишев**, член ОКЧН **Лема Усманов**, учредитель и гл. редактор газеты «Справедливость» **Лечи Саликов**.

Из *Кабарды* – это прежде всего профессор **Муса (Юрий) Шанибов**, полковник авиации и впоследствии министр обороны Абхазии **Султан Сосналиев**, лидеры движения «Адыгэ-Хасэ» **Заур Налоев** и **Валера Хатажуков**, герои Абхазии **Аслан Мирзоев** и **Ибрагим Яганов**.

Из *Адыгеи* – лидер адыгейского национального движения «Адыгэ-Хасэ» и командир «адыгейского батальона» **Адам Хуаде**; начальник Штаба вооруженных сил КНК (в Абхазии), депутат Верховного Совета Республики Адыгея, полковник **Амин Зехов** и ученый **Аскер Аджигереев**.

Из *КЧР* – это герой Абхазии и командир батальона абазин, полковник **Мухаммад Килба**. Мы здесь не должны упускать из внимания и фактор МЧА во главе с д.ю.н. **Юрием Калмыковым**. Авторитет Калмыкова и возглавляемого им МЧА сыграл свою положительную роль в абхазской освободительной борьбе и объединительных процессах на Северном Кавказе.

С самого начала общекавказского движения большую роль в становлении организации сыграли лидер Шапсуг-

ского движения **Руслан Гвашев** и д.и.н., профессор Военной академии в Москве **Хаджи-Мурат Ибрагим-бейли** (из закатальских аварцев).

В 1990 году к движению Ассамблеи (Конфедерации) ГНК подключились: из Дагестана – представители аварского движения, известный писатель и общественный деятель **Адалло Алиев**, мусульманский алим (ученый) и первый диссидент Северного Кавказа (прошедший лагеря в Мордовии в 1957-1965 гг.) **М-Расул Мугумаев**, один из лидеров лакского национального движения – капитан первого ранга, герой Абхазии **Али Алиев**, а также автор данного материала.

В 1991 году к деятельности Ассамблеи ГНК подключились представители осетинского и ингушского национальных движений. Стоит отметить неутомимость и конструктивный настрой таких представителей своих народов, как **Станислав Кесаев**, к.ю.н., ныне зам.председателя Парламента РСО – Алалия; авторитетного в ингушском национальном движении деятеля, доктора медицины **Ахмеда Куштова** и др. Осетин серьезно волновал вопрос Южной Осетии, а ингушские лидеры актуализировали вопрос воссоздания национальной республики и передачи (в её состав) Пригородного района с опорой на федеральный закон о репрессированных народах.

Ассамблея ГНК не раз обсуждала острые вопросы межэтнических отношений в регионе, включая и дагестанские проблемы. Но самой острой оставались, безусловно, проблемы абхазов и южных осетин. Затем на «повестке дня» стояли вопросы межэтнических отношений в республиках Северного Кавказа. Лидеры Ассамблеи ГНК – М. Шанибов, Ю. Сосламбеков, Г. Аламия, И. Арсамиков, К.Озган, Г. Гумба, Х. Ханкаров и др. – за период 1990 – ноябрь 1991 гг. неоднократно встречались на своих заседаниях и мероприятиях по всему региону. Они «исколесили» почти весь Северный Кавказ, включаясь в обсуждение или решение тех или иных проблем.

Внутри Ассамблеи ГНК возникло «ядро» из «молодых» политических партий, которое актуализировало вопрос о создании общекавказской (межрегиональной) демократической партии. Это Демократическая партия Абхазии (лидер **Гурам Гумба**); Вайнахская демократическая партия (лидер **Зелимхан Яндарбиев**); Социал-демократическая партия Дагестана (лидеры **Деньга Халидов** и **Аркадий Ганиев**).

3.3. Конфедерация ГНК – качественно новый этап

Лидерское «ядро» Ассамблеи ГНК (около 20 чел.) сыграло огромную роль в становлении консолидированного северо-кавказского движения. В начале ноября 1991 г., после развала бывшего Союза, на съезде представителей народов и целого ряда авторитетных национальных движений республик Северного Кавказа, в торжественной обстановке в гор. Сухуме было объявлено о создании *Конфедерации ГНК(КГНК)*. Сложная структура управления КГНК была вполне адекватна еще более сложной «природе» северокавказского сообщества народов¹.

Своим новым названием организация обязана М. Шанибову, который предложил поднять статус организации от обычной общественной, каковой являлась Ассамблея ГНК, до *полугосударственной*. Надо отметить, что были и противники такого преобразования, дабы «не разозлить республиканские власти в регионе». Это был серьезный вызов для лидеров некоторых республик Северного Кавказа, ибо ставил под сомнение их легитимность, а в определенных случаях – и законность. Во всяком случае пропагандистско-политический эффект от нового названия организации был достаточно заметен. Он еще более усилился

¹ Здесь и далее автор опирается на собственные архивные источники, накопленные в период работы в качестве зам. председателя Парламента КГНК; на опросы экспертов и архивы таких известных деятелей КНК, как Г. Аламия, Г. Гумба, М. Шанибов и др.

после указа Ельцина о чрезвычайном положении в Чечне в начале ноября 1991 (сразу после учредительного съезда КГНК), когда парламенты Чечни и КГНК на совместном заседании выступили с заявлением протеста и обращением к народам Северного Кавказа. По сути дела, солидарность, продемонстрированная в те дни многими национальными движениями региона и митинг протеста на площади в Грозном (до 45- 50 тыс. чел.), отрезвила «горячие головы» в Москве. Указ был отменен, ситуацию удалось стабилизировать.

В Президентский совет КГНК, возглавляемый лидером Конгресса кабардинского народа (ККН) М. Шанибовым, вошли по одному представителю (или лидеру) от каждого народа: всего 14 чел. от 14 народов. В парламенте КГНК, возглавляемого Ю. Сосламбековым, как правило, заседали по 3 представителя от каждого народа. В рамках Сообщество Кавказского Сотрудничества при КНК К. Озган (председатель), Г. Гумба, Х. Ханкаров, Г. Аламиа, А. Зехов и другие общественные деятели и эксперты, проводили большую работу по всему Югу Российской Федерации, налаживая контакты и знакомя народы региона друг с другом.

Безусловно, ключевую роль в пропаганде интеграционных установок в масштабах Северного Кавказа играли лидеры *абхазского и чеченского национальных движений*. Именно эти движения получали достаточно значимую поддержку со стороны своих республиканских властей. Вопреки устоявшемуся мифам, Завгаев также поддерживал Абхазию не только словом, но и делом, о чем мы писали выше.

Автор, будучи членом Совета КГНК, а впоследствии зам. председателя Парламента КНК, также неоднократно бывал в Абхазии в составе делегаций КНК (в 1990–1992 годы), куда включались общественные деятели, молодежные лидеры республик Северного Кавказа и нередко алимь (исламские ученые) из Дагестана и Чечни. В начале 1992 года, наряду с общественным деятелем и алимом из Дагестана М-Р. Мугумаевым я участвовал на сессии Вер-

ховного Совета Абхазии, которую вел Владислав Ардзинба. Наши два выступления от имени дагестанского «блока» в КНК, носили миротворческий характер, но с позиции силы. К такого рода демонстрациям солидарности с абхазским народом часто прибегали чеченский и кабардинский «блоки» в Конфедерации Народов Кавказа. Они, безусловно, влияли на поведение и позицию грузинской стороны, хотя и в разной степени.

У каждого из национально-демократических движений Северного Кавказа была своя мотивация в подобном объединении. *Абхазы и южные осетины* уже имели опыт столкновения с грузинскими шовинистами и потому остро нуждались в союзниках в регионе. Но юго-осетины, будучи целиком заняты своими внутренними проблемами, не могли играть какую-либо активную роль в становлении Ассамблеи и Конфедерации ГНК.

Кабардинские и в целом адыгские лидеры национальных движений, руководствовались мотивами этнокультурной и генетической близости к абхазам. Соответственно и участие в делах Абхазии ими воспринималось как справедливое и заслуживающее всяческой поддержки.

Чеченские лидеры, в геополитическом плане, мыслили более широко в масштабах Кавказа в целом. Еще в 1990 году чеченские старейшины большой группой выезжали в Абхазию для урегулирования абхазо-грузинского конфликта. Были и другие попытки урегулирования этого конфликта со стороны чеченцев, среди которых можно выделить особую роль Л. Саликова.

Северо-осетинское и дагестанские движения присоединились к Ассамблее ГНК на последующих этапах, в 1990 – начале 1991 года. Политическое оформление этого вступления было зафиксировано на первом съезде КГНК в начале ноября 1991 года в Сухуме. Дагестанский «блок» в КНК представлял лишь часть большого спектра национально-демократических движений республики.

Ингушское национальный совет делегировал своих представителей в КНК, имея в виду исключительно решение проблемы Пригородного района (его передачу Ингушетии, согласно Федеральному Закону «О репрессированных народах.» от 1991). Как правило, другие проблемы в регионе оставались вне их внимания. Это тоже можно было объяснить еще не оформленным характером национально-государственного «тела» народа, после учреждения отдельной Чеченской республики Ичкерии осенью 1991 года.

Осетинские активисты в КНК руководствовались двумя серьезными задачами: подключение потенциала Конфедерации к решению проблем как в Южной Осетии (защита от Тбилиси), так и сохранение Пригородного района (избежание обострения конфликта с ингушами). Исходя из этого и строилась тактика, которая требовала от них и лидеров движений более выраженного общекавказского мотива.

В этом контексте следует обратить внимание на активную позицию осетинских лидеров всю первую половину 1992 года. Зимой 1992 одно из расширенных заседаний парламента Конфедерации Народов Кавказа на высоком уровне представительства было организовано во Владикавказе. Чувствовалась поддержка республиканских властей. Затем – в конце мая 1992 года, было проведено совместное заседание Президентского совета и Парламента КНК в Цхинвале. Из Владикавказа в Цхинвал делегация КНК вылетела на вертолете, и, по утверждению местных наблюдателей, был определенный риск в этом шаге. Заседание КНК в Южной Осетии имело значительный полит-пиарный эффект.

Затем, в середине июня 1992 года, большая делегация КГНК собралось в местечке Джейрах (Ингушетия), и там осетинская делегация проявила достаточно конструктивный настрой. Именно тогда были достигнуты договоренности о восстановлении *ингушских топонимических на-*

званий в Пригородном районе; были намечены и другие шаги, направленные на поэтапное решение осетино-ингушской проблемы, согласованной обеими сторонами. Затем состоялась встреча делегации КГНК с зам. председателя парламента РСО – Алания, на которой договорились о продолжении диалога в этом направлении.

КГНК реально мог заложить серьезную основу в урегулировании этого конфликта. Для этого были все основания и, главное, политическая воля. Но начавшаяся в Абхазии война отвлекла все силы КГНК. Не стоит забывать: все что делалось КГНК делалось на личные средства. Лишь иногда отдельные меценаты из кавказских бизнесменов-патриотов помогали КГНК, субсидируя аренду гостиниц и оплату рейсовых автобусов. Кроме того, с сентября 1992 начались провокации (с убийствами и арестами ингушей в РСО-Алания), которые, с одной стороны, приводили к радикализации некоторых ингушских активистов и групп; а с другой – созданию осетинских военизированных (незаконных) формирований.

По всем косвенным данным как Ингушский национальный совет, так и осетинскую сторону провоцировали некоторые федеральные силовики¹. Одни убеждали Владикавказ в незыблемости административных границ на Северном Кавказе и готовности решительно пресечь всякие попытки изменить эти границы (**Георгий Хижа**, бывший вице-премьер Правительства РФ, который на протяжении долгого времени находился в Владикавказе). А другие, которые «окучивали» ингушских лидеров, давали им понять, что могут их поддержать в случае чего. В результате случилась трагедия (в ноябре 1992), которую КГНК(КНК), при всем желании, никак не мог предотвратить².

¹ На основе экспертного опроса и бесед с активистами Ингушского национального совета: **Салмана Наурбиева**, **Ахмеда Куштова** и др.

² Автор этих строк выезжал в начале ноября (сразу после трагедии) в Назрань, встречался с пленными осетинами и пытался про-

Впоследствии автора этих строк местные эксперты убеждали в том, что все было затеяно для решения проблемы Д. Дудаева и «независимой Ичкерии». Расчет строился на том, что Дудаев вмешается в осетино-ингушский конфликт и попытается оказать помощь братьям – вайнахам. А это и нужно российским генералам, дабы окончательно решить проблему «вольной» Ичкерии. Но Дудаев оказался умнее, чем предполагали генералы. Он не вмешался в этот конфликт, а его посланникам-переговорщикам с российскими генералами, с трудом удалось убедить последних не совершать непоправимого.

*Представители дагестанских (аварского и лакского) движений в КНК руководствовались скорее исторической памятью и сознанием этнокультурной близости с другими горскими народами Кавказа. Какие либо частные (прагматичные) мотивы их участия в общекавказском деле нельзя было разглядеть. В целом многонациональный Дагестан в геополитическом и внутривнутриполитическом плане был замкнут исключительно на собственных проблемах и **нейтралитете в кавказских делах** – это то, что отличало Дагестан от других республик. В этом своем качестве Дагестан можно представить как кавказский вариант нейтральной Швейцарии. И здесь очевидна роль сложных в этническом плане обществ в генезисе именно такой политической и геополитической ориентации как в Дагестане, так и в Швейцарии.*

Промежуточные выводы. *Общекавказский мотив в объединительном движении на Северном Кавказе был в наибольшей степени характерен для чеченских и абхазских лидеров, и в меньшей степени (благодаря солидарности с*

ехать во Владикавказ. Но увы, на той стороне не были настроены на диалог и вмешательство кого-либо в этот самый клубок проблем. Даже **Руслан Аушев** был бессильен что-либо сделать на фоне тщательно продуманного провокационного сценария.

абхазами), и для адыгейских и кабардинских лидеров. Подобные политические установки в значительно меньшей степени были присущи для других северо-кавказских национальных движений; или же эти мотивы носили производный характер. Но почти все члены КНК актуализировали проблемы ВОССТАНОВЛЕНИЯ ГОРИЗОНТАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ, ЭКОНОМИКИ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ(в целях недопущения кровавых конфликтов).

Собственно, объединение национальных движений началось с концертов и фестивалей культур, а не с политических дискуссий. Политика вступила в свои права позже. А сначала было взаимное открывание и узнавание друг друга, удивительное осознание глубокого единства норм и ценностей, исторической памяти народов Кавказа и попытки разрешить межнациональные конфликты в регионе.

К этому процессу «узнавания и взаимных симпатий» позже в мае 1993 года присоединились и казачьи движения Юга России, в основном – донские и кубанские (на совещании КНК и казачьих организаций в Ставрополе). Именно тогда Конфедерация Горских Народов Кавказа была преобразована в Конфедерацию народов Кавказа (КНК). Свою выдающуюся роль во всех этих объединительных процессах на Северном Кавказе, начиная с 1989 г., сыграло абхазское народное движение и её лидеры: **В. Ардзинба, К. Озган, Г. Аламиа, Г. Гумба, С. Шамба** и др. Абхазы вместе с чеченскими лидерами, такими как **З. Янадарбиев, Ю. Сосламбеков, Х. Ханкаров, С-Х. Абу-муслимов, Л. Салигов**, а также, кабардинскими лидерами – **М. Шанибовым, С. Сосналиевым, В. Хатажуковым** и др., выступили своеобразными политическими «дрожжами» объединительных процессов в регионе.

4. Феномен «кавказскости» и историческая ретроспектива: Кавказская война XIX-го века, Горская республика и Абхазский Народный Совет (в 1918-1919 годы)

4.1. Феномен кавказскости: социо-политический контекст

Успех проекта Конфедерации Народов Кавказа нельзя объяснить голым расчетом, или одними абхазскими и чеченскими стратегическими установками. Тут основа более глубокая.

Всем нам знакомо имя известного кавказоведа в лице **Сергея Арутюнова**, члена- корреспондента РАН, доктора исторических наук. Но мало кто знает, что он, будучи настоящим ученым, причисляет к «исконнокавказским» народам (это его термин, введенный в научный оборот) только *абхазо-адыгские и нахско- дагестанские народы*¹. И то, что известно в научной и около-научной литературе как «кавказскость» или «кавказская культура» (в исследованиях З. Яндарбиева, О. Дамения, Д. Халидова и др.)² характерно именно для этих народов. Разумеется, общекавказские мотивы и ценности в той или иной мере присущи и для ираноязыч-

¹ Арутюнов С. Народы Кавказа. Антропология, лингвистика, хозяйство (в соавт. с Абдушелишвили М. Г., Калоевым Б. А.) - М., 1994.

² См. Яндарбиев З. Кавказскость (ст. 1989-1991 годов// Битва за Чечению. Кн.1 В преддверии независимости. Кн.2. Заметки на полях независимости – Львов, 1996, с. 401-405; Дамения О. Кавказская идентичность: миф или реальность?// Сб. материалов научно-практической конференции «Традиции народной дипломатии и нормы поведения во время войны и конфликтов на Кавказе», организованной Кавказским Форумом НПО 31 мая - 2 июня 2001 г. в г. Цахкадзор (Армения)- <http://www.kavkaz-uzel.ru/>; Халидов Д.Ш. Кавказ: история и современность. Связь времен – лекции для молодежи (2008 год, г. Москва) Российский конгресс народов Кавказа (РКНК) – архивы материалов Интернет-сайта www.rcnc.ru

ных осетин и тюркоязычных народов Северного Кавказа. Согласно многочисленным исследованиям историков и лингвистов, археологов и этнологов, этнический субстрат тюркоязычных кумыков, балкарцев и карачаевцев, проживающих на Северном Кавказе - именно кавказский, но прошедший через длительный период (начиная с нашествия гуннов, затем аваров, проникновения в регион кипчаков и др.) мощного влияния тюркской цивилизации и культуры. К примеру, в Дагестане этнический субстрат кумыков тесно связан с даргинским этносом (по данным лингвистических и этнологических исследований). Аналогично обстоит дело и с ираноязычными осетинами. У нас нет здесь возможности для дискуссии на эту тему: подчеркнем лишь, то, что северо-кавказские («исконнокавказские» по С.Арутюнову) мотивы в культуре и быту воспринимали и соседи по Большому Кавказу, прежде всего, грузины.

Рассмотрим ключевые элементы кавказской политической культуры и феномена «кавказскости». Без такого предварительного историко-социологического экскурса нам не понять и природу добровольческого движения на Кавказе.

Во первых, в идеально-типологическом (в духе классика западной социологии **Макса Вебера**) варианте - это ценности традиционной демократии и самоуправления, установка на «волю»; чрезвычайно щепетильное отношение к тому, что составляет кодекс чести «вольного» человека и уважение (самоуважение) к личности, четко кодифицированная система норм обычного права и этики (в Дагестане), этики и этикета – у вайнахов, осетин, народов КБР, КЧР, Адыгеи и Абхазии. Все это вместе взятое давало основание для европейских и честных русских исследователей фиксировать **гражданский характер общин и демократизм горских обществ Кавказа**; в целом, близкий к традициям европейских городов – государств характер политической культуры и традиций народов Кавказа.

Такое политическое содержание кавказской культуры позволило народам региона сохранить свою культурно-генетическую целостность, выжить и развиваться на протяжении последних 3-4 тысяч лет, несмотря на бурные процессы; пережить и Ассирию, и эллинскую империю Александра Македонского, Римскую, Византийскую, Персидскую и Османскую империи. При всех империях, на протяжении нескольких тысячелетий, одна установка (на сознательном и бессознательном уровнях) была и осталась доминирующей: *сохранить преемственность культуры и ценности этноса; не только выжить физически, но и культурно, а в некоторых случаях и духовно, беря за основу надличностные, трансцендентные (религиозные) установки.* В той или иной мере это и сейчас характерно для подавляющего большинства народов Большого (включая Южный и Северный) Кавказа.

Правда, ценности идентичности и способность к мобилизации, позволившие выжить, а то и успешно противостоять мощным империям в прошлом, в условиях свободы превращаются порою в разновидность местечкового шовинизма и этноцентризма, порождают конфликты и междоусобицы. Но это уже другая тема для дискуссии.

В целом же культура малых сообществ и сетевой (горизонтальный) принцип самоорганизации кавказских горцев, равно как и ограниченный (общинными традициями) индивидуализм присущий им так и не позволили создать на Северном Кавказе какое-либо мощное государство, за исключением отдельных периодов из жизни того или иного государственного образования. Безвозвратное делегирование своих прав сюзеру и полное ему подчинение – это абсолютно не привычные для северо-кавказцев качества. И в этом своем качестве древние эллины и европейцы с их городами – государствами (в средние века), по политической культуре весьма схожи с народами региона. *Даже русский царь рассматривался в рамках кавказской*

логики поведения как первый («очень первый»), если воспользоваться метафорой), среди равных, а отнюдь не как помазанник Божий. А та неприкрытая лесть, которую демонстрировали отдельные кавказские государственные мужи (но не лидеры) в общении с Кремлем в прошлом и в настоящее время – скорее не правило, а исключение.

4.2. Историческая ретроспектива

В таком (вышеуказанном) контексте феномен «кавказскости» проявил себя еще в период Кавказской войны в XIX веке и в конце XVIII века. Мало кто из историков пытался осмыслить сам факт понимания и принятия чеченца **шейха Мансура** адыгами (черкесами) Западного Кавказа в качестве лидера освободительного движения Кавказа в конце XVIII века. Или факт принятия представителей **имам-а Шамиля** из Дагестана в качестве лидеров – объединителей черкесов Западного Кавказа в 40-е годы XIX века. Ни общего языка, ни выраженной религиозной идентичности, как общей платформы для понимания. Как такое могло вообще иметь место? Ответ на этот вопрос кроется в общности тех ценностей и нормативной культуры, которые и создали платформу для понимания и объединения. В этом и сила феномена бывшего наиба Шамиля **Магомед-эмина** (исламского ученого и военного лидера в одном лице), который сумел сплотить независимые сообщества западных черкесов в сильное войско.

4.3. Горская республика и Абхазский Народный Совет в 1918-19 годы

Аналогично дело обстояло и на Восточном Кавказе, в Чечне и Дагестане. Приглушенное, было в период Империи, это сознание единства (кавказских норм и ценностей) вновь проснулось после Февральской революции 1917 года. С 1-го по 12 мая 1917 года во Владикавказе собрался первый съезд представителей горских народов Кавказа,

где принимали участие и делегаты от Абхазского Народного Совета.¹ Причем, делегаты съезда были избраны на прямых выборах. Во всяком случае, в Дагестане дело обстояло именно так. По прочтении документов – свидетельств этого съезда – возникает удивительное ощущение знакомости прочитанного: то, что все это ты уже видел и слышал совсем недавно на заседаниях и съездах Ассамблеи и Конфедерации Народов Кавказа. Но в отличии от современности, в тот исторический отрезок времени лидеры горских народов Кавказа могли себе позволить заседать по 10- 15 дней. На съезде был учрежден Союз объединенных горцев Кавказа и избран его ЦК.

Затем был еще один съезд горцев Кавказа у озера Казенной на границе Чечни и Дагестана в августе 1917 года, где мусульманские массы и их лидеры превалировали над светской элитой и их социальной базой. Именно там был избран в качестве муфтия Северного Кавказа **Нажмутдин Гоцинский** из Дагестана. Продолжение этого съезда было уже во Владикавказе – в политическом центре региона в сентябре 1917 года.

В документах первого и второго съезда горцев Кавказа не было ни одного пункта, ставящего под сомнение целостность новой демократической (без императора) России. Была провозглашена цель: строительство *Северо-Кавказской федерации на кантональной основе* (подобно Швейцарской конфедерации), но в составе демократической России.

На фоне возрастающей нестабильности и роста криминала в регионе, после Октябрьской революции, в декабре 1917 года был создан Юго- Восточный союз. В Союз вошли лидеры ЦК Объединенных горцев Кавказа, лидеры казачьих объединений Терек и Кубани, а также, калмыки.

¹ См.: Сборник документов «Объединенный союз горцев Кавказа и Горская (Северо- Кавказская) республика в 1917 – 1921 годы» (отв. редакторы: Г. Османов, Д. Халидов). - Махачкала, 1994 г.

В начале 1918 года была учреждена уже и **Горская (Северо-Кавказская) республика**. В Темир-хан-Шуре (ныне город Буйнакск в Дагестане) функционировали Парламент Горской республики и избранное им Правительство. Составы Горского парламента и Правительства отличались этнической пестротой. В Горское правительство входили кумыки и осетины, чеченцы и ингуши, кабардинцы и лакцы, аварцы и карачаевцы.

Анархия и беспорядки, захлестнувшие Россию после большевистского переворота, вынудили «отцов» Горской республики принять Декларацию о независимости. Интересно, что лишь после провозглашения Горским правительством независимости 18 мая 1918 года, грузинские меньшевики, мусаватистское правительство в Азербайджане и дашнаки в Армении провозгласили независимость своих республик. По всей вероятности, закавказские правительства не рисковали до поры до времени, ждали пока соседи на Северном Кавказе объявят свою независимость. Возможно, в этом плане свою роль сыграла и решительность Правительства Горской республики.

Но Горская республика просуществовала недолго и пала под ударами Добровольческой армии **Антон Деникина** в мае 1919 года. Интересно, что антиденикинское восстание в Дагестане и Чечне, которое возглавили местные социалисты, проходило под лозунгами «восстановления Горской республики». В качестве символов использовались авторитетные мусульманские деятели: в Чечне и Андийском округе Дагестана – это шейх **Узун- Хаджи**, выходец из аварского села Салта в Дагестане; а в Дагестане – шейх **Али-Гаджи Акушинский**(даргинец из Акуша). «Плодами» восстания в полной мере воспользовалось затем большевистское руководство России.

В этот сложный период (еще в 1918 году) Абхазский национальный совет обращался за помощью к Горскому правительству, не в силах противостоять агрессии грузинских

вооруженных формирований меньшевистского правительства. Но Горское правительство само было в не силах оказать такую помощь, будучи целиком занято внутренними проблемами в регионе. Это и нехватка финансов, и признаки голода, и социальная дезорганизация и резкий рост криминальной активности на Восточном Кавказе.

5. Начальный период войны в Абхазии: двойственный характер политики ФЦ и республиканских властей на Северном Кавказе. Феномен добровольческого движения

5.1. Федеральный центр: противоречивая политика

Федеральная исполнительная власть во главе с Б. Ельциным, в которой тон задавали «реформаторы» прозападного толка, поддержала грузинский Госссовет в его агрессии (на Абхазию) 14 августа 1992 года. Ельцин всего лишь пытался изобразить миротворца, выкручивая руки В. Ардзинба. Между тем неолиберальная пресса и все центральные телеканалы в той или иной мере не скрывали своих симпатий к грузинской политике в отношении Абхазии. Здесь чувствовалась общность идейно-мировоззренческих подходов той плеяды людей, для которых «солнце всегда восходит на Западе».

Зато Верховный Совет РФ и, иногда, Совет Федерации подавали голос протеста и осуждали политику Тбилиси. Примерно тех же позиций в разных пропорциях придерживались и региональные лидеры, и политически активная часть российского общества в регионах страны, в особенности – на Юге России. Особенно выпукло это проявилось в КБР и Чечне, стоит также отметить четкую позицию президента Республики Адыгея А. Джаримова, губернатора Краснодарского края А. Кондратенко, чуть в меньшей степени в остальных субъектах Юга РФ. Для подавляющей части российского общества и политической элиты страны имя

Шеварднадзе было связано с развалом великой державы, трагедией разделенных народов, в особенности – русского, и в целом, с глубоким разочарованием неолиберальными реформами, которые отбросили Россию на 10-летия назад.

Был очевиден раскол в федеральном руководстве в этом важном для всего Северного Кавказа и Абхазии вопросе. *Этот раскол транслировался и на уровень региональных властей, силового и правоохранительного «блоков» Российского государства.* В силовом и правоохранительном «блоке» России не было единства, были очевидны моменты некоторой растерянности и деморализации. Хотя верные Ельцину силовики и их ставленники на местах всячески препятствовали оказанию помощи Абхазии. Но другая часть силовиков, обозленных на разрушителя страны Шеварднадзе и по геополитическим мотивам, нередко саботировала установки Верховного главнокомандующего.

Автору данного материала очевидцы событий (А. Аджигереев из Адыгеи, И. Яганов из КБР и др.) в «красках» рассказывали: как и с каким трудом добирались отряды добровольцев в Абхазию. С самого начала войны, с середины августа и до сентября пунктом сбора добровольцев была столица Чеченской Республики Ичкерия город Грозный. Тут собирались все те, кто был готов оказать помощь Абхазии; формировались отряды и, на свой страх и риск, отправлялись в путь с оружием. Проблемы начинались сразу же по выходу из Ичкерии: в особенности, в РСО-Алания, Ставропольском крае и в КЧР на границе с Абхазией. Бывали случаи, в гор. Беслане (РСО-Алания) и в Ставропольском крае, на границе с КБР, когда отряды добровольцев вынужденно вступали в бой, навязанный им частями внутренних войск МВД РФ. Затем начинались длительные и мучительные переговоры, иногда длившиеся сутками, чтобы продолжить путь в Абхазию. Пару раз несколько российских (старших) офицеров фактически оказывались в положении заложников (в отряде Гелаева Х.). Особенно

в трудном положении оказывались отряды добровольцев на перевале, на границе между КЧР и Абхазией. Именно там был сконцентрирован наиболее крупный и боеспособный отряд ОМОН или СОБР из внутренних войск МВД РФ. Тогда группировкой ВВ МВД РФ командовал генерал **Куликов**, впоследствии – министр МВД РФ. Полагаю, что его особо предвзятое отношение к чеченцам связано с теми неприятными часами и днями, и теми испытаниями, которые выпали на его долю в тот период.¹

С другой стороны, этот разброс мнений, неконсолидированность российской политики позволили отрядам чеченских добровольцев во главе с Х. Ханкаровым, Ш. Басаевым и Р. Гелаевым без потерь, хотя и с немалыми приключениями, пройти до Абхазии буквально через несколько дней после агрессии грузинского Госсвета. Аналогично дело обстояло и с адыгскими добровольцами (лидеры – А. Хуаде, А. Мирзоев, И. Яганов, А. Зехов, М. Килба-абазинец и др.).

Именно тогда, в самый нужный для абхазов период, с 15-го по конец августа в Абхазию прошли три интернациональных по составу отряда (из северо-кавказцев) добровольцев из Чечни (в каждом – около 100–150 чел.), «ядра» которых составляли собственно чеченцы и кабардинцы. И именно эти отряды вместе с абхазскими ополченцами отразили танковую атаку грузинских формирований на Эшерском направлении 31 августа – 1 сентября. А затем предприняли дерзкое контрнаступление на Сухум, что отрезвляюще подействовало на грузин. Интересно, что танкистами были наемники из российских военнослужащих Закавказского ВО, дислоцированных в Сухуме. Об этом стало известно как из перехваченных переговоров по рации, так и от пленных наемников-танкистов.

С другой стороны, не будь подобного раскола и своеобразной политической «фрустрации» и растерянности

¹ Из бесед с **И.Ягановым**, **А.Аджигеревым**, **А.Мирзоевым** и другими участниками событий августа 1992 года.

после распада бывшего Союза, вряд ли бы стычки добровольческих отрядов с российскими силовиками на Юге РФ завершались таким исходом; возможно эти стычки привели бы к большой трагедии для обеих сторон и к большому «взрыву» по всему Северному Кавказу, учитывая общие настроения и дух эпохи. Неизвестно также, как бы повели себя и казаки Юга России, учитывая тесные связи их лидеров с КНК. Надо вспомнить «дух» и общественные настроения того периода на Северном Кавказе, растерянность и неопределенность, а также, надежды части силовой и политической элиты России на восстановление великой державы и их антигрузинские настроения. Тогда становятся понятными мотивы тех, кто (по закону страны и Указу Верховного главнокомандующего) не особенно рьяно выполнял установки центра и не «стоял до конца» при попытке разоружить или не пропустить в Абхазию добровольческие отряды. Это могло очень дорого стоить для страны.

5.2. Северный Кавказ: политика властей и характер добровольческого движения

Руководство *Чеченской республики*, в лице Дудаева, как и чеченский народ, недвусмысленно поддержало освободительное движение абхазского народа. На центральной площади Грозного не утихали митинги солидарности и постоянно шла запись в добровольческие отряды. Дудаев не раз выступал на митингах в поддержку Ардзинба и справедливого дела абхазского народа. В городе Грозном формировались добровольческие отряды и шли через Кавказские перевалы в воюющую Абхазию.¹ Из грозненского аэропорта в сторону Абхазии периодически выле-

¹ Это отразил в своем стихотворении русский поэт, доброволец из Москвы Александр Бардодым, прошедший путь от города Грозного до Гудауты и павший смертью героя в Отечественной войне Абхазии: «Над Грозным городом раскаты. Мы заряжаем автоматы и переходим перевал... в страну, где зверствуют бандиты...».

тал «кукурузник», на борту которого находилось оружие и боеприпасы. А этот смертельный груз часто сопровождал с риском для себя Г. Аламиа.

Вклад чеченцев в победу абхазского народа в Отечественной войне очень весом. На протяжении всей войны Чечня оставалась одной из главных тыловых баз (особенно в первый период войны) для абхазской освободительной войны, где формировались добровольческие отряды и откуда происходило снабжение оружием и боеприпасами.

Другие лидеры республик Северном Кавказе (**Аслан Джаримов** – лидер Адыгеи, прежде всего) предостерегали Б. Ельцина от односторонней поддержки Тбилиси. В целом же они были поставлены в сложные условия: с одной стороны – позиция и требование Кремля, отличавшиеся прогрузинской ориентацией; а с другой стороны – достаточно мощное движение «снизу» в поддержку абхазов. Наиболее явственно этот конфликт проявился в КБР и Адыгее. Лидерам республик приходилось лавировать между общественными ожиданиями и требованиями оказания реальной помощи Абхазии с одной стороны, а с другой стороны – вести такую политику, которая бы сильно не раздражала Москву. В таких условиях единственное, что они могли сделать без ущерба для своей политической карьеры – это оказание гуманитарной помощи Абхазии, что собственно и делалось на протяжении всей войны.

О ситуации в КБР. К началу сентября 1992 года довольно острая ситуация сложилась в КБР. Второй пункт сбора добровольцев открылся в Нальчике, ориентировочно 20-25 августа 1992 года. *Конгресс кабардинского народа (ККН)* стал мощным центром кристаллизации и консолидации всех кто был готов оказать помощь Абхазии (главным образом для народов Западного Кавказа). Здесь собирались группы добровольцев, их «сортировали», временно, до отправления, размещали в гостиницах и домах отдыха.

В центре событий был лидер ККН, М. Шанибов, лидеры «Адыгэ-Хасэ В.Хатажуков и З. Налоев и другие.

Вся эта кипучая деятельность кабардинских общественных организаций не могло не вызвать недовольства республиканских властей, в лице президента КБР **Валерия Кокова** и его близкого окружения. Они увидели в этом угрозу для себя и власти в целом. Были предприняты попытки прикрыть деятельность ККН, остановить процесс формирования добровольческих отрядов, со ссылками на федеральную власть. В. Коков по сути находился меж двух огней: с одной стороны – грозные окрики с Москвы, а с другой – массовые настроения в поддержку Абхазии, которые отражали ККН и движение «Адыгэ-Хасэ». В конечном счете, все это вылилось в серьезное противостояние на центральной площади Нальчика в конце сентября 1992 г. (митинг, где участвовали более 10 тыс.чел.). Лидеры движений и актив митинга уже подняли вопрос об отставке президента В. Кокова и его правительства, формировании временного кабинета министров и полной смены вех в отношении Абхазии. Правда, кабардинские оппозиционные лидеры не ставили вопрос «об отделении от России», за что их неоднократно упрекали чеченские лидеры из КГНК.

Москва, встревоженная всем этим, направила в КБР значительные, по тем временам, части внутренних войск МВД РФ на помощь Кокову. Ситуация в любой момент могла выйти из под контроля. Не было никакой гарантии, что в КБР не начнется гражданская война. Часть радикально настроенных активистов ККН были даже готовы к боевым столкновениям с федеральными частями ОМОН. Но ситуацию, насколько известно автору этого материала, спас Ю.Калмыков – авторитетный общественный деятель и ученый, впоследствии назначенный министром юстиции России. Он сыграл роль медиатора и своеобразного «громоотвода» и спас лицо и власти, и лидеров оппозиции. Удалось избежать непоправимого. Соглашение между властями

ми КБР и оппозицией заключалась в том, что власть оказывает гуманитарную и политическую поддержку Абхазии (впрочем, для власти имущих в КБР это было сравнительно легким решением) и закрывает глаза на деятельность оппозиции в той части, которая касается помощи Абхазии. Единственное условие – делать все это без лишнего «шума и пыли», чтобы не раздражать Ельцина и Москву в целом. Впоследствии, осенью 1992 года, из-за преследований и провокаций со стороны власти, президент Конфедерации ГНК и лидер ККН М. Шанибов был вынужден покинуть республику и уехать в Абхазию. Здесь он был ранен, лечился и продолжал свою политическую деятельность, руководя КГНК¹.

В целом же КБР оставалась на протяжении всей войны одной из главных тыловых баз гуманитарного характера.

5.3. О феномене добровольческого движения

В вышеуказанном контексте не было особых проблем в *Дагестане, Северной Осетии и КЧР*, где национальные движения достаточно вяло реагировали на происходящее в Абхазии; за исключением – черкесского движения в КЧР. Лакское движение в Дагестане, в лице молодежного лидера и мецената **Надыра Хачилаева** довольно активно включилось в процесс оказания гуманитарной помощи Абхазии. Он же был готов отправить частный вертолет на помощь Абхазии, что не удалось в силу разных «чисто» бюрократических причин и необходимости многочисленных согласований.

А что касается добровольческого движения, то в Дагестане, к примеру, в неё включились всего около 100 чел. за

¹ Интересно, что **В.Коков**, как ни в чем не бывало, принимал парад победителей (из лидеров и боевого актива Конфедерации ГНК) в сентябре 1993 года в Нальчике. На вопрос «Ну как, мы оказались правы или вы?», Коков ответил, что «победителей не судят, а мы все победители в этой войне, и он в том числе».

весь период войны в Абхазии¹. Для сравнения в Чечне эта цифра достигла более 1000 чел.; в КБР – около 700-800 чел.².

Но с точки зрения региональной геополитики было важно то, что лидеры республик достаточно активно оказывали гуманитарную помощь, принимали гонцов из Абхазии, выслушивали их и помогали как могли мукой, другими продуктами. В Дагестане на протяжении многих месяцев, вплоть до лета 1993 года, находился специальный посланник Ардзинба **Владимир Ашхацава**. Автор данного материала был свидетелем того, как тогдашний лидер Дагестана **Магомедали Магомедов** делал все, что в его силах для оказания гуманитарной помощи для Абхазии.

О добровольческом движении среди других народов Северного Кавказа и русских, из соображений политкорректности говорят или общие фразы, или отдают должно отдельным героям, представляющих свои народы. Реально же какого-либо организованного и отдельного русско-казачьего (или дагестанского, карачаево-балкарского) «батальона» в Абхазии не было. Отдельные группы русских добровольцев (включая и казаков) пробивали себе дорогу в Абхазию и вливались в абхазскую армию, или в два «чеченских» и «адыго-кабардинский» «батальоны» (*здесь и далее слова «батальон» и этнические маркеры мы пишем в кавычках, ибо по численности эти формирования явно не*

¹ Автором данного материала в Махачкале был организован пункт сбора добровольцев. В августе 1992 года откликнулось около 50 чел., вместе с которыми он выехал в Нальчик. Часть этих ребят вернулись обратно в Дагестан, наслушавшись в Нальчике рассказов о происходящем в Абхазии. Решением руководства КНК автор должен был обеспечивать в Дагестане политическую, моральную и гуманитарную поддержку Абхазии. Впоследствии местная прокуратура завела на него уголовное дело и провела обыск в его квартире.

² Все эти и другие данные приводятся на основе экспертного опроса главного военного историка Абхазии, работника Генштаба ВС РА, полковника, к.и.н. **В. Пичулиа**; см. также его монографию *Грузино-Абхазская война (боевые действия)*. – Сухум, 2010.

тянули на полноценные батальоны; а сами «батальоны» были интернациональными по составу, хотя этническое «ядро» в них четко можно было идентифицировать)¹. Ситуация обстояла примерно также как и с добровольцами из Дагестана, РСО-Алания и, частично, из КЧР.

В самый трудный период войны – с августа по октябрь 1992 года – русских (включая и казаков) в Абхазии было мало и они не играли какой-либо значимой роли. Все это верно и в отношении немногочисленных групп дагестанских, карачаевских и осетинских добровольцев, которые просачивались в Абхазию. Всего ориентировочное число русских и казаков-добровольцев в Абхазии, в основном – донских, в меньшей степени – кубанских составило за весь период войны не более 200 чел. А местное русское население было представлено в вооруженных силах Абхазии в количестве, ориентировочно, около 200 чел. Они стали вливаться в абхазские вооруженные силы, в основном, на втором этапе войны².

Вместе с тем, через Абхазию прошли более 1000 добровольцев из Чечни и около 700–800 чел. из КБР, КЧР и Адыгеи. Правда, добровольцы сменяли друг друга и одновременно в Абхазии находились не более 600–800 чел., однако во время наступательных операции их число значительно увеличивалось.³

Чеченские и адыгейские добровольцы (командиры: Шамиль Басаев, Хамзат Ханкаров и Адам Хуаде) в сентябре

¹ См.: Пачулия В. Указ. соч., с. 75.

² Все эти данные приблизительные, потому что во время войны с ведением статистики были определенные проблемы. Добровольцы из России, по разным причинам, не были склонны строго соблюдать статистическую бюрократию. Одни добровольцы стояли на учете в Штабе КНК, а добровольцы из русских и казаков – в Штабе казаков в Гудауте, зарубежные абхазы – в Генштабе ВС РА.

³ По данным В.Пачулия, полковника МО РА, к.и.н., бывшего работника Генштаба ВС РА.

1992 года ночью предприняли дерзкую вылазку в Сухум (в районе Учхоза и железнодорожного вокзала). Был уничтожен Штаб оккупационных войск и нанесен серьезный урон противнику. В этом бою, который длился до утра, героически погиб один из ярких адыгских лидеров А. Хуаде, а несколько адыгейцев попали в плен. Тогда грузинское командование поставило ультиматум: освобождение пленников и выдача трупов погибших добровольцев произойдет при условии вывода из Абхазии всех добровольцев из Республики Адыгея. Если это условие будет нарушено, то любой попавший в плен адыгеец будет расстрелян на месте. Лидер Адыгеи и общественность республики согласилась на эти условия, батальон расформировали, адыгейские добровольцы вернулись домой, а пленники были освобождены и выданы трупы. Однако впоследствии вместо тех добровольцев, кто вернулся домой в Адыгею, в Абхазию пошли много десятков новых адыгейских добровольцев.

Осетинский «батальон» в составе около 120–150 чел. был сформирован не без участия властей Северной Осетии и прибыл в Абхазию на самолете летом 1993 года. К сожалению, он прошел неудачное боевое крещение в одной из боевых операций и впоследствии был возвращен на родину. Но группа южных осетин и отдельные бойцы из Северной Осетии оставались в составе других батальонов до конца войны и проявили себя достойно.

Армянский «батальон» из числа местных жителей был сформирован только в декабре 1992 – январе 1993 года, когда наметился очевидный перелом в войне и после настойчивой полит-пропагандистской работы зам. Председателя Парламента Абхазии **Альберта Тополяна**. Другой причиной формирования батальона явились не прекращавшиеся факты грабежа и насилия со стороны грузинских боевиков армянских сел в Очамчирском районе.

Статистика участия и потерь среди добровольцев из Северного Кавказа.

Статистика потерь и участия добровольцев из Северного Кавказа в войне в Абхазии требуют дальнейшего уточнения. Хотя, в целом они известны и ни у кого не вызывают особых вопросов. В данном случае надо иметь в виду то, что статистика Штаба войск КГНК (КНК) во главе с Амином Зеховым из Адыгеи не всегда совпадает со статистикой Генштаба вооруженных сил (ВС) Республики Абхазии (РА). Дело в том, что не все добровольцы из российских регионов, прежде всего из Северного Кавказа, отмечались в Генштабе ВС РА. Здесь давали о себе знать опасения, связанные с политикой Москвы в грузино-абхазском конфликте и установка на избежание от возможного уголовного преследования, при возвращении на родину. Другая причина – «чисто» социо-культурного и психологического характера: в условиях войны добровольцы меньше всего думали о будущем, о том, что и как напишут о них в истории и в статистических выкладках, о «пиаре», вознаграждениях и наградах. С другой стороны, добровольцы-казаки также предпочитали становиться на учет именно в Штабе казаков в Гудауте.

Число **погибших добровольцев с Северного Кавказа составил более 200 чел.** Из них: более 100 чеченцев; 46 кабардинцев; 9 адыгейцев; 4 абазин, 4 карачаева; 3 черкеса; 6 ингушей; 6 осетин (северных и южных); по 2 чел. балкарцы и дагестанцы.¹

Правда, некоторые местные эксперты ставят под сомнения цифры потерь добровольцев, ссылаясь на то, что «они погибли не в бою, а по другим причинам». Но это не меняет дела по большому счету.

Что касается потерь **русско-казачьих добровольцев**, то трудно их выделить из общего списка потерь среди русских (**около 200 чел.**), в который входят и местные («абхазские») русские, среди них добровольцы из-за пределы Аб-

¹ Все эти данные из архива начальника Штаба войск КНК А. Зехова.

хазии составляют 50 чел. Потери среди **армян составили до 100 чел.**

Абхазов, для сравнения, погибло в войне более **3,5 тыс. чел.** (вместе с гражданским населением), что составляет 4% всего абхазского населения в республике.¹ Определенную, хотя и небольшую долю в этих потерях составляют и зарубежные абхазы.

Разумеется, разброс цифр участия добровольцев от разных народов в Отечественной войне не может отражать строго прямо пропорциональные зависимости, типа «чем больше тех, настолько же больше их вклад в общее дело». Отнюдь. Тут сложные зависимости, связанные с военным профессионализмом и тем, что трудно измерить, а именно, духом и воинскими талантами. К примеру, трудно переоценить на заключительном этапе войны роль героя Абхазии **Али Алиева** – капитана первого ранга, начальника штаба военно-морских сил Абхазии, председателя Парламента КНК, одного из лидеров лакского национального движения в Дагестане. Своими решительными и грамотными действиями на Черном море он сыграл немалую роль в приближении окончательной победы в сентябре 1993 года. В аналогичном ключе можно говорить и о представителях других народов в добровольческом движении, героизм и воинское мастерство которых «сообщал» новое качество вкладу в общее дело.

С другой стороны, всем в Абхазии известно насколько большое значение имело для противника известие о том, что на их участке фронта действует северокавказские добровольческие отряды, или иной командир (Шамиль Басаев, к примеру) со своими ополченцами. Насколько большое, что они мысленно уже проигрывали сражение или бой. Проведенные успешные операции и дерзкие рейды играли на будущие победы, достававшиеся малой кровью.

¹ Из личного архива полковника МО РА, к.и.н., В. Пачулия.

В этом контексте, конечно же, нужно выделить большую роль чеченского фактора в Отечественной войне Абхазии.

Разумеется, все написанное не умаляет заслуг добровольцев из казаков, или осетин с карачаевцами и ингушей с дагестанцами. Все они, в той или иной мере, представляли «флаги» своих народов и регионов, вносили свой посильный вклад в дело победы. Все они были дороги и уважаемы в Абхазии, всем им и народам, которые они представляли, в Абхазии бесконечно благодарны. В Абхазии не количество добровольцев имело значение, а то, что они были своеобразными референтами позиций и оценок своих народов. Для абхазов была важна именно моральная и политическая сторона дела. В самой республике в период войны царил подлинно интернациональный дух братства и взаимовыручки. Это было братство, скрепленное в труднейших условиях войны и лишений. Война сформировала характер и воспитала целую плеяду героев Кавказа, которые сказали впоследствии веское слово в своих республиках.

6. Август – ноябрь 1992 г в Абхазии и роль Северокавказского добровольческого движения

Чтобы представить роль добровольцев в Отечественной войне в Абхазии надо иметь четкое представление о ситуации, которая сложилась в республике к началу агрессии грузинского Госсовета 14 августа 1992 года. Руководство республики и почти все, кто разделял взгляды Ардзинба и его «команды» покинули Сухум после его оккупации и осели в Гудауте, ставшая центром национально-освободительной войны абхазского народа.

Но проблема заключалась в том, что абхазы не были в полной мере готовы к такому повороту событий. Что могли противопоставить абхазы вооруженным до зубов нескольким тыс. грузинских военных, почуявших «запах жаренного»? Требовалось время для формирования боеспособных частей, но времени как раз и не было.

Отсюда некоторая растерянность и «пацифистко» - капитулянтские настроения среди чиновников и бывших партработников, причем, у некоторых – на грани плохо скрываемой паники. Но лидер нации Владислав Ардзинба и его сподвижники, как и основная часть абхазского народа были тверды и убеждены в победе. Они чувствовали и надеялись на помощь братьев с Северного Кавказа. Требовалось организовать народ на борьбу, мобилизовать последние ресурсы. И не дать развиваться первоначальному «успеху» *тройки* «Шеварднадзе- Китовани- Иоселиани».

И тут, буквально на второй день грузинской агрессии, в Абхазию чудом прорвался председатель комитета обороны КНК, полковник авиации, кабардинец С. Сосналиев со своей маленькой группой. Это имело большое моральное и политическое значение тогда: появился профессиональный военный, который сразу же влился в маленькую группу абхазских военачальников. Он возглавил штаб формирующихся абхазских вооруженных сил, а впоследствии (в 1993 году) был назначен и министром обороны РА.

Еще через несколько дней, через кавказские перевалы, прошел первый полноценный добровольческий отряд с полной боевой экипировкой под командованием Шамиля Басаева и председателя комитета безопасности КНК Хамзата Ханкарова, затем – отряды Руслана Гелаева, Адама Хуадэ, Ибрагима Яганова и множество групп добровольцев из республик Северного Кавказа. Все это имели огромное моральное, а не только политическое, значение: моральный дух абхазской нации получил мощное подкрепление. И в последующем поток добровольцев не прекращался.

Боевое крещение добровольцы приняли сразу же и остановили попытки грузин прорваться в Гудауту на двух участках фронта вдоль реки Гумиста и переломили ситуацию. Грузины отступили с существенными потерями для себя.

Операция по освобождению Гагры (начало октября 1992). В первые три недели с начала войны удалось се-

рзезно остудить пыл и азарт грузинских частей. В Абхазии формировались вооруженные силы, фронты и их командующие, а с 11 октября – министерство обороны. Зам. командующим на гагрском направлении (Гагрским фронтом) был назначен Шамиль Басаев (позже – зам. министр обороны Абхазии), один из разработчиков блестящего и очень рискованного плана операции по освобождению Гагры.

Согласно плану, одновременно с трех сторон должны были начать наступление на Гагру три отряда. *Первый (абхазский) отряд* должен был атаковать грузин в «лоб» и огнем со стороны юго-восточной окраины Гагры оттянуть на себя значительную часть грузин, оккупировавших Гагр. *Второй («чеченский») отряд* во главе с самим Басаевым ночью должен был двинуться по хребту с непроходимыми чащобами над Гагрой. Причем, у многих тогда не было оружия: на одно отделение – в лучшем случае 2 автомата и 2 гранаты. Оружие было только у чеченцев и ингушей – «ядро» отряда, остальные абхазы, а также добровольцы (дагестанцы, абазины, адыгейцы и др.) шли на авось, рассчитывая добыть оружие в бою. *Третий отряд десантников из абхазов и кабардинцев* (около 80 чел.) во главе с Ягановым ночью должен был двинуться на катере (со стороны Пицунды) вдоль берега напротив Гагры.

К операции приступили 1-го октября 1992 года. Рано утром абхазские части повели наступление на Гагру со стороны трассы, на юго-восточной окраине города. Еще раньше, до рассвета, катер с десантом во главе с Ягановым двинулся вдоль берега моря, но его заметили из Гагры. Грузинский отряд на автотранспорте начал движение по трассе, сопровождая катер с десантом в море.

На рассвете, когда грузины завернули за поворот и скрылись из поля зрения, Яганов неожиданно скомандовал командиру катера резко повернуть к берегу. Несмотря на сопротивление командира катера, Яганов настоял на своем очень рискованном ходе. Катер дошел до берега

и Яганов скомандовал десанту быстро подняться в гору выше автомобильной трассы и залечь. Расчет строился на том, что грузины обязательно вернутся обратно, потеряв из виду катер, и будут искать десант на берегу моря. Так и получилось. Грузины вернулись по дороге, вышли из автобусов и начали искать катер и десант, вглядываясь вниз на берег моря. И вдруг они попали под шквальный неожиданный огонь с северной стороны трассы, где в засаде сидели десантники Яганова.

Примерно в это же время с горного хребта над Гагрой стали спускаться отряд Басаева и ударил в тыл грузинским частям. Тут среди грузин началась настоящая паника. Они оказались в окружении с трех сторон, Это была настоящая трагедия для боевиков и бандитов Китовани и Иоселиани. Они потеряли тогда более тыс. чел. только убитыми и ранеными. Грузинские части, которые уже второй месяц облюбовали и по полной программе, «отдыхали» в Гаграх были полностью разгромлены. Случилось это 6 октября 1992 г. В результате, Западная Абхазия была полностью освобождена и абхазские боевые части вышли к российской границе.

Это была победа, которую стоило развивать на Гумистинском фронте, доверив разработку операции тем, кто столь блестяще справился с задачей в Гаграх. Но увы, этого не случилось, и остается только гадать: какие силы тут вмешались.

Таков результат первого этапа войны, в которой большую роль в переломе войны сыграли формирования добровольцев из Чечни и Кабарды.

Второй этап войны принципиально отличался от первого и по роли абхазских боевых частей в освобождении своей родины, и по роли (нередко, двусмысленной), которую стали играть российские военные консультанты, появившиеся в Генштабе вооруженных сил (ВС) Абхазии после Гагрской операции. Участие последних в разработке нескольких операций по освобождению Сухума заканчи-

вались крупными потерями среди бойцов вооруженных сил РА и неудачей из-за утечек информации.

Именно потому по предложению Ардзинба и Сосланиева летом 1993 года было принято решение разработать два плана освобождения Сухума, о чем я знаю не понаслышке. В разработку первого плана по освобождению Сухума были включены, как это бывало и в прошлом, российские военные консультанты в Генштабе ВС Абхазии. Разработка же второго плана держалась в глубокой тайне от российских консультантов. Его и стали осуществлять в конце лета 1993 года, что и предопределило победу Абхазии и полный разгром грузин на разных участках Гумистинского и Восточного фронтов.

Вместо заключения

1. Роль личности в истории и вариабельность истории. В научном и околонучном сообществе известны широко распространенные квазинаучные мифы, вроде *«история не имеет сослагательного наклонения»*. Таким образом, устами не критичных к противоречиям и догматически мыслящих ученых и экспертов, в общество внедряются совершенно далекие от подлинной науки стереотипы. Стереотип, заключающийся в строгой детерминированности политической истории, по аналогии с религиозно-мистической «формулой» божественной предопределенности (стереотип живучий, кстати, в маргинальной среде вульгарных марксистов).

Автор постарался показать, что на первом этапе войны в Абхазии история могла повернуться и «другим боком». Не будь в свое время «обряда Братания» и многочисленных встреч молодежи и интеллигенции в Грозном и Нальчике, не будь повседневной, подлинно духовной (не в религиозном смысле, а именно в нравственном и культурно-историческом) работы около 20 лидеров общекавказского дела из *абхазского, чеченского и кабардинского народов* (в период 1989–1992 годов), неизвестно еще – чем бы закончилась война в Абхазии. В этом смысле нельзя недооценивать роль личности (или группы личностей, перечисленных выше) в недавней истории Абхазии и Северного Кавказа в целом.

Но личности могут играть значимую роль тогда, когда общественная система вступает в период *хаоса и не-*

определенности – «точки бифуркации» в истории той или иной системы; *когда появляются несколько вариантов развития системы, с различающимися вероятностями.* Все строго в рамках теории системного и синергетического подходов. И это тот самый случай, когда весьма узкое меньшинство может сыграть выдающуюся роль в истории народа и народов целого региона. И тут не имеет значение: разделяет ли пассивное большинство их взгляды. Достаточно, чтобы то меньшинство, которое разделяет их взгляды, цели и ценности было самоорганизованным и активным. Таким (активно-конструктивным в событиях в Абхазии) меньшинством и была КГНК (КНК) в начале 1990-х годов. Именно это мы и постарались показать в своем анализе Отечественной войны и роли добровольческого движения Северного Кавказа и КГНК(КНК) в её исходе. Мы отказались при этом от набивших уже оскомину и удобных «формул» по принципу – «всем сестрам по серьге». Отказались и от некоторой политкорректности, ради научной объективности.

2. Многофакторность анализа и проблема изменения. Анализ, проведенный нами, показывает, что любой исторический процесс и явление следует оценивать системно, включая (в анализ) все значимые факторы: объективные и субъективные, политические и социо-культурные, экономические и геополитические. Другой императив подлинно научного анализа – соблюдение принципов исторической логики и непротиворечивости, **подвижности роли факторов**, которые на разных этапах истории(системы) могут играть различную роль. Такой подход позволил нам выделить *два качественно различающихся* этапа в Отечественной войне в Абхазии. Именно на первом этапе сыграли важную роль добровольцы из Северного Кавказа, в первую очередь, Чечни и КБР.

На втором этапе факторы северо-кавказского добровольческого движения и его политического «ядра» в лице

КНК отступили на вторые роли, хотя и имели немалое значение. На вопрос «насколько «больше» или «меньше» эта роль на первом и втором этапах войны?» – трудно ответить, ибо нет научно признанного метода и «инструмента» анализа. Но в последние десятилетия предпринимаются очень серьезные попытки научного (количественного) измерения роли тех или иных факторов в истории социальных систем. Эта отдельная и не менее интересная тема для историка-социолога, в особенности для реконструкции недавней истории Северного Кавказа, столь «богатого» на события и резкие повороты хода событий.

3. Неоднозначная роль российского фактора в Отечественной войне в Абхазии. Эта неоднозначность была следствием глубокого раскола и полит-психологической фрустрации военно- политической элиты страны. Либерально – прозападный курс Кремля в начале 1990-х годов повлек за собой забвение геополитических интересов России; установление особых отношений с кумиром либерального (московского) «блока» в Тбилиси в лице Шеварднадзе; ложные надежды на возвращение Грузии в клуб стран СНГ. Курс Б. Ельцина определялся тем узким кругом лиц – «5-й колонной» Запада и воспитанников Венского института системных исследований («дочерней» структуры мировой финансовой олигархии) – для которых Э.Шеварднадзе был «родным» в силу его неоценимых заслуг по демонтажу бывшего Союза ССР.

Геополитические заблуждения и ложные цели и ценности Главнокомандующего страны транслировались по «вертикали» власти, начиная с экс-министра обороны РФ **Павла Грачева** и вплоть до генералов на местах в частях Закавказского ВО, расквартированных в Грузии и Абхазии (в Сухуме, Гудаутах и других местах). Если одни генералы, способные еще на рефлексию и критический «разбор полетов» саботировали эти «сигналы» «сверху» (в поддержку Шеварднадзе), то другие, и их было немало, не способные

оценить долгосрочные последствия своих действий, наоборот действовали строго в рамках «курса Кремля» и попутно решали свои меркантильные вопросы; в особенности – на первом этапе войны, когда были выявлены факты наёмничества (российских военных) грузинским Госсоветом, продажа оружия и боеприпасов и др.

Кремль давно расстался с ельцинскими иллюзиями, связанными с Тбилиси, конкретным свидетельством чему и явились события 08.08.2008 и последующее признание независимости Абхазии и Южной Осетии. Это вполне отвечает геополитическим интересам России и новых независимых государств на Кавказе.

Д. Ш. Халидов

**Северный Кавказ
в Отечественной войне Абхазии
(1992 – 1993 гг.)**

Д. Ш. Халидов

**Нхьц-Кавказ
Ацсны Ацъынцътэыла еибашьраеы
(1992 – 1993 ш.)**

Корректор *В. Чамагуа*
Компьютерная верстка *Н. Гунба*

Формат 84x108 $\frac{1}{32}$. Тираж 500. Физ. печ. л. 2,125+0,5.
Усл. печ. л. 3,57+0,84. Заказ № 44.

Республика Абхазия, РУП «Дом печати», г. Сухум, ул. Эшба, 168.